

Джек Лондон

**Путешествие на
«Ослепительном»**

Джек Лондон

Путешествие на «Ослепительном»

«Public Domain»

1902

Лондон Д.

Путешествие на «Ослепительном» / Д. Лондон — «Public Domain», 1902

«Залитый солнцем песчаный берег Тихого океана, шумевшего прибоем гигантских валов, остался у них позади. Выбежав на дорогу, они вскочили на свои велосипеды, сразу дали быстрый ход и вскоре окунулись в зеленые аллеи загородного парка. Их было трое – трое мальчиков-подростков в светлых свитерах. Они покатали по велосипедной дорожке с таким шиком, с каким обыкновенно любят ездить все мальчики в ярких свитерах, рискуя ежеминутно переступить черту дозволенной скорости. Пожалуй, можно было сказать, что они уже и переступили эту черту. Так думал и конный полисмен, следивший за порядком в парке, но он не успел прийти к окончательному заключению и ограничился лишь простым замечанием, брошенным вдогонку, когда они пролетали мимо. Предостережение в первую минуту подействовало, но, как всегда водится у мальчиков в ярких свитерах, было мгновенно забыто ими на ближайшем же повороте дорожки...»

Содержание

Глава I	6
Глава II	9
Глава III	12
Глава IV	17
Глава V	20
Глава VI	23
Глава VII	27
Глава VIII	30
Глава IX	33
Глава X	36
Глава XI	39
Глава XII	41
Глава XIII	44
Глава XIV	47
Глава XV	51
Глава XVI	54
Глава XVII	57
Глава XVIII	60
Глава XIX	63
Глава XX	66
Глава XXI	69

Джек Лондон

Путешествие на «Ослепительном»

*** * ***

Глава I

Брат и сестра

Залитый солнцем песчаный берег Тихого океана, шумевшего прибоем гигантских валов, остался у них позади. Выбежав на дорогу, они вскочили на свои велосипеды, сразу дали быстрый ход и вскоре окунулись в зеленые аллеи загородного парка.

Их было трое – трое мальчиков-подростков в светлых свитерах. Они покатали по велосипедной дорожке с таким шиком, с каким обыкновенно любят ездить все мальчики в ярких свитерах, рискуя ежеминутно переступить черту дозволенной скорости. Пожалуй, можно было сказать, что они уже и переступили эту черту. Так думал и конный полисмен, следивший за порядком в парке, но он не успел прийти к окончательному заключению и ограничился лишь простым замечанием, брошенным вдогонку, когда они пролетали мимо. Предостережение в первую минуту подействовало, но, как всегда водится у мальчиков в ярких свитерах, было мгновенно забыто ими на ближайшем же повороте дорожки.

Стрелой вылетев из ворот Гольдонгэтского парка, они повернули в сторону Сан-Франциско и так отчаянно неслись под гору, что встречные пешеходы оборачивались и некоторое время с ужасом глядели им вслед. По городским улицам светлые свитеры неслись, лавируя, во избежание крутых подъемов, иногда пускаясь наперегонки: кто первый взлетит на пригорок.

Мальчика, руководившего гонкой и часто обгонявшего товарищей, звали Джо. Это был вожак всей компании, самый смелый и самый веселый мальчик. Впрочем, когда они въехали в Западное предместье и помчались среди огромных комфортабельных особняков, его громкий смех стал раздаваться все реже, и Джо начал отставать от товарищей, видимо, сам того не замечая. На перекрестке улиц Лагуна и Валлей товарищи Джо свернули вправо.

– До свидания, Фред! – крикнул Джо, поворачивая руль в левую сторону. – Всего хорошего, Чарли!

– Вечером увидимся! – отвечали они ему.

– Нет, я не приду.

– Непременно приходи! – просили товарищи.

– Нет, нет! Мне надо зубрить. До свидания!

Когда он остался один, лицо его стало серьезно, а глаза затуманились какой-то неопределенной тревогой. Он принялся громко насвистывать, но свист его постепенно замирал, стал еле слышным и оборвался окончательно, когда он подъехал к большому двухэтажному дому.

– Джо, это ты?

Перед дверью, ведущей в библиотеку, Джо остановился в нерешительности. Он знал, что Бесси там: она старательно готовит уроки, наверное, уже заканчивает их; она всегда управляется до обеда, а обед уже скоро.

Он же до своих уроков еще и не дотрагивался! Все это раздосадовало его.

Подумать только – сестренка на два года моложе, а в одном классе с ним; мало того – преуспевает в науках и все время идет впереди всего класса. Это просто невыносимо. И не то чтобы он был так уж туп. Он отлично знает, что он не туп. Но все как-то так выходит – и неизвестно почему, – что мысли его вечно отвлекаются в сторону, и он всегда отстает от других.

– Джо, да войди же, пожалуйста! – Едва слышная жалобная нотка прозвучала на этот раз в ее голосе.

– Ну, чего тебе надо? – сказал он, порывисто отодвигая портьеру.

Он произнес эти слова довольно грубо, но сразу же осекся, взглянув на нежную маленькую девочку, смотревшую на него широко раскрытыми глазами из-за громадного стола, зава-

ленного книгами. Она сидела с карандашом и бюваром в руках, съежившись в огромном кресле, в котором совершенно терялась ее хрупкая фигурка.

– Ну что, сестричка? – спросил он более мягким тоном, подходя к ней.

Она схватила его руку, прижала ее к своей щеке и прильнула к нему.

– Что с тобой, милый Джо? – спросила она шепотом. – Скажи мне, пожалуйста.

Он ничего не ответил. Смешно, в самом деле, исповедоваться перед крошкой-сестрой, хоть у нее отметки и лучше, чем у него. Ему казалось смешным и то, что эта маленькая девочка серьезно добивается выяснить, что у него на душе.

Однако какая нежная у нее щечка, думал он в то время, как она, ласкаясь, водила лицом по его руке. А все-таки как бы поскорее высвободить руку и покончить со всеми этими глупостями! Только бы не обидеть ее – ведь он хорошо знает по опыту, как легко обижаются девочки.

Она разогнула его сжатые пальцы и поцеловала в ладонь. Точно розовый лепесток упал на нее. Этим поцелуем Бесси давала знать, что настаивает на своем вопросе.

– Со мной ровно ничего, – решительно объявил он. И затем совершенно непоследовательно добавил: – Отец!.. – Его тревога отразилась теперь в ее глазах.

– Но папа такой добрый, такой хороший, Джо, – пролепетала она. – Почему ты не слушаешься его? Ведь он немного от тебя требует, а если и требует, то ради твоей же собственной пользы. И ты гораздо умнее других мальчиков. Если бы ты чуточку подзаялся!

– Вот, вот! Пошли поучения! – вспыхнул он, выдергивая руку. – Теперь и ты будешь мне читать нотации? Скоро очередь дойдет до повара и конюха...

Он засунул руки в карманы и вперил взор в безотрадное, мрачное будущее, с бесконечными выговорами от бесчисленных наставников.

– Ты за этим звала меня? – спросил он, поворачиваясь к выходу.

Она снова схватила его за руку.

– Нет, нет, не за этим; но мне показалось, что тебя что-то тревожит, и я подумала... я... – Голосок ее оборвался, и она заговорила в другом тоне: – Я хотела сказать тебе, что мы затеяли прогулку в Окленд, в горы, по ту сторону залива, в эту субботу.

– Кто это «мы»?

– Мартель Хэйс.

– А, эта мямля! – буркнул он.

– Она вовсе не мямля! – с жаром возразила Бесси. – Она самая милая девочка из всех, кого я знаю.

– Не очень убедительный довод, принимая во внимание состав твоих знакомых девочек... Дальше. Кто там еще?

– Пирль Сэйтер и ее сестра Элис, и Джесси Хильбон, и Сэди Френ, и Эдна Кродерс. Вот и все девочки.

Джо презрительно фыркнул:

– А кто из мальчиков?

– Морис и Феликс Клемент, Дик Скофильд, Борт Лейтон и...

– Довольно с меня и этих. Все до одного сопляки!

– Я... я хотела пригласить тебя, Фреда и Чарли, – запнулась она. – Я затем и позвала тебя, чтобы сказать об этом...

– А что вы там собираетесь делать?

– Погулять, нарвать полевых цветов – уже цветут дикие маки, – потом устроить завтрак где-нибудь на красивой лужайке... и... и...

– И вернуться домой, – договорил он.

Бесси грустно посмотрела на него.

Джо снова засунул руки в карманы и зашагал назад и вперед по комнате.

– Бабья компания, – вдруг выпалил он, – и бабья программа! Нет, это не по мне.

Она закусила дрожащие губы и храбро вымолвила:

– А ты бы что предложил вместо этого?

– Я бы вместе с Фредом и Чарли отправился куда-нибудь и сотворил бы что-нибудь такое, – да, что-нибудь этакое...

Он остановился и метнул глазами в ее сторону. Она молча ждала продолжения. Он ощущал полнейшее бессилие выразить словами обуревавшие его чувства и стремления; вся его тревога и недовольство комком подкатили к самому горлу и душили его.

– О, ты, конечно, не поймешь меня! – простонал он. – Ты не можешь меня понять! Ты – девочка. Ты любишь опрятность и аккуратность, похвальное поведение и круглые пятерки. Тебя не манят опасные приключения и все такое... Тебе не нравятся мальчики, которые рвутся в жизнь; они тебе кажутся грубыми, неотесанными; тебе нравятся прилизанные мямли в белых воротничках, послушные любимчики учителей и учительниц, всегда уверенные в своих успехах. Милые, скромные мальчики, которые ни за что не ввяжутся в драку; они мечтают только о приятных прогулках с букетиками и закусочками в обществе таких же миленьких девочек. О, я прекрасно знаком с этими типиками, которые пугаются своей собственной тени и похожи на робкую овечку. И действительно, это овцы! Ну, а я тебе не овечка, и нам не о чем разговаривать. И на пикнике вашем быть не хочу и не буду.

Темные глазки Бесси затуманились слезами, губы задрожали. Это еще больше усилило его раздражение. Что за несносные создания эти упрямые девчонки! Вечно дуются, вечно хнычут, вечно суются не в свое дело. У них положительно чего-то не хватает.

– Слова нельзя сказать, чтобы ты не заревела, – сказал он примирительным тоном. – Я же ничего не сказал обидного, сестричка. Право, ничего. Я...

Он растерянно остановился и уставился на нее. Она всхлипывала и вздрагивала, готовая разрыдаться. Крупные слезы текли у нее по щекам.

– Ох уж мне эти девочки! – гаркнул он и, сердито стуча каблуками, вышел из комнаты.

Глава II

«Законы дракона»

Через несколько минут Джо, все еще раздраженный, вошел в столовую к обеду. Он упорно молчал за столом, хотя отец, мать и Бесси вели между собой оживленную беседу. Сви-репо уткнувшись в тарелку, Джо итожил свои наблюдения: «Вот мы какие! Разливаемся, плачем, а минуточку спустя улыбаемся и хохочем. Наш брат этого не понимает. Будьте уверены, что если бы *нас* что-нибудь могло довести до слез, то мы несколько суток ходили бы как повешенные. Все девчонки притворщицы, такая уж у них повадка. Они не чувствуют и сотой доли того, о чем говорят, когда плачут. Разумеется, нет. Должно быть, они хнычут так часто потому, что им это нравится. Они любят терзать людей, особенно нас, мальчуганов. Потому-то они и вмешиваются в наши дела».

Предаваясь этим мудрым размышлениям, он в то же время с аппетитом ел и отдал должную дань всем блюдам, ибо, согласитесь сами, трудно не почувствовать здорового аппетита, промчавшись на велосипеде от Клифер-Гауза до Западного предместья через весь загородный парк.

Отец по временам искоса поглядывал на сына. Джо этого не замечал, но Бесси хорошо это видела. Мистер Бронсон – человек средних лет – был хорошо скроен и крепко сшит, несколько, правда, тяжеловат, но не тучен. У него было энергичное угловатое лицо с квадратным подбородком и резкими чертами, но веселые глаза светились мягко, а складки у рта выражали не суровость, а скорее наклонность к юмору.

Поразительное сходство между отцом и сыном бросалось в глаза. У обоих был широкий лоб и выдающийся подбородок, а глаза, несмотря на разницу лет, походили друг на друга как две пары горошин, вынутых из одного и того же стручка.

– Как твои дела, Джо? – спросил мистер Бронсон сына в конце обеда.

Со стола уже убрали, и все собирались встать.

– Не знаю, – беспечно ответил Джо и потом прибавил: – У нас завтра экзамены, тогда будет видно.

– Ты куда? – спросила мать, когда он повернулся к дверям.

Это была высокая, стройная женщина с карими глазами, как у Бесси, и с такими же, как у нее, мягкими движениями.

– Иду в свою комнату, – ответил Джо. – Заниматься, – добавил он.

Мать нежно наклонилась к нему, провела рукой по его волосам и поцеловала. Мистер Бронсон поощрительно улыбнулся ему вслед, и Джо взбежал по лестнице на верхний этаж с твердым решением погрузиться с головой в книжку и сдать завтрашний зачет во что бы то ни стало.

Войдя в свою комнату, он запер за собой дверь и уселся за стол, великолепно приспособленный для ученических занятий.

В первую очередь Джо принялся за историю, так как завтрашние экзамены должны начаться с этого предмета. Он раскрыл книгу на загнутой странице и начал читать:

– «Вслед за введением законов Дракона между Афинами и Мегарой разгорелась война из-за острова Саламина, на который оба города заявляли свои права».

Ну, это запомнить нетрудно. Но что из себя представляют эти законы Дракона? Надо их повторить.

Пробегая пройденные страницы, он по уши погрузился в это занятие, но случайно взор его, оторвавшись от книги, упал на принадлежности для игры в бейсбол, валявшиеся на стуле, – на маску и на перчатку.

«Мы бы ни за что не проиграли этой партии на прошлой неделе, если бы Фред не промахнулся. Он какой-то вахлак! Правда, ему ничего не стоит изловить подчас сотню трудных шаров один за другим, но в решительную минуту он всегда теряется из-за сущего пустяка. Надо было выпустить его в *поле*, а Джонса поставить на первое место. Только Джонс чересчур горячится. Он ни разу не промахнется даже и в решительную минуту, но никогда не угадаешь, что он будет делать, поймав шар».

Джо вспомнил об экзамене и встряхнулся.

– Нечего сказать, недурной способ изучения истории! – Он снова углубился в книгу:

«Вслед за введением законов Дракона...»

Три раза прочитав эту фразу, он вспомнил наконец, что не прочитал еще ничего о самих законах Дракона.

Постучали в дверь. Он яростно стал перелистывать страницы, не обращая внимания на стук.

Стук назойливо повторился, и из-за двери донесся тоненький голосок Бесси:

– Джо, дорогой!

– Что нужно? – спросил он и, не дожидаясь ответа, прибавил: – Нельзя. Я занят!

– Я пришла узнать, не могу ли я помочь тебе, – сказала она. – Я уже все сделала и думала...

– Ну, разумеется, ты уже все сделала! – проворчал он. – Ты ведь всегда все делаешь вовремя.

Джо обхватил обеими руками голову, чтобы не отрывать глаз от книги. Но эта маска для бейсбола дразнила его. Чем больше он старался вникнуть в историю, тем назойливее лезла в голову мысль о валяющейся на стуле маске и о всех тех партиях, в которых она играла видную роль.

– Нет, это ни на что не похоже!

Он перевернул открытый учебник, положил его на стол вверх корешком и подошел к стулу. Схватив резким движением маску и перчатку, он швырнул их под кровать с такой силой, что маска отлетела от стены.

«Вслед за введением законов Дракона между Афинами и Мегарой разгорелась война...»

Маска откатилась от стены, подумал Джо. Интересно бы знать, на какое расстояние она откатилась и может ли он со своего места видеть ее. Нет, он не будет смотреть. Какое ему до этого дело? Ведь это же не история. А все-таки...

Джо взглянул поверх книжки и увидел маску, которая высунулась наполовину из-под кровати. С этим надо покончить. Пока эта маска торчит перед глазами, он не может заниматься.

Он встал, вытащил ее из-под кровати, торжественно пронес через комнату, подошел к гардеробу, сунул ее туда и плотно запер дверцы. Теперь с ней покончено. Можно будет поработать.

Он уселся за книжку.

«Вслед за введением законов Дракона между Афинами и Мегарой разгорелась война из-за острова Саламина, на который оба города заявляли свои права...»

Все бы это ничего, если бы только знать, в чем состояли эти законы Дракона. Слабый отблеск заката проник в комнату. Откуда этот отблеск? Джо выглянул в окно. Заходящее солнце окрашивало длинными косыми лучами низкие, легкие облака, игравшие теплыми пурпурными тонами. Красноватый отблеск падал на землю.

Джо перевел глаза с облаков вниз на бухту. Морской ветер затих с наступлением вечера, и какая-то запоздавшая рыбацья лодка, направляясь от форта Пойнт, тихо входила в порт, пользуясь последними вздохами ветерка. Немного дальше буксирное судно выводило в море трехмачтовую шхуну, выпуская прихотливые облачка дыма. Взор Джо обратился к берегу Мэри-

Каупри. Линия горизонта уже ступевалась, и длинные тени взбирались вверх по холмам на гору Тамальпэс, четко вырисовывавшуюся при закате солнца.

О, если бы он, Джо Бронсон, мог попасть на эту рыбацью лодку и отправиться с неводом на рыбную ловлю! Или на эту шхуну, которая плывет на запад и выходит на широкий простор! Вот это жизнь, вот это дело! Быть кем-нибудь на этом свете. А он торчит в душной комнате и забивает себе голову рассказами о людях, исчезнувших с лица земли за тысячи лет до его рождения.

Джо рванулся прочь от окна, точно разрывая какие-то невидимые цепи, которыми его приковали к окну, решительно отодвинул свой стол вместе с книгой в самый дальний угол комнаты и уселся спиной к окну.

Но спустя минуту – так ему показалось – он очутился снова у окна, предаваясь сладким мечтам. Он и сам не знал, как это вышло. Последний след сознательной памяти давал ему знать о том, что он нашел наконец где-то там, на правой странице учебника, параграф, озаглавленный «Законы Дракона и его конституция». Затем, как лунатик, он снова подошел к окну. Неизвестно, сколько времени он простоял тут. Рыбачья лодка, которую он сначала заметил у форта Пойнт, теперь уже доползла до верфи Мейгса. Отсюда можно заключить, что времени с тех пор прошло не менее часа. Солнце давно уже закатилось, торжественные сумерки упали на океан, и над гребнем Тамальпэса заблестали первые бледные звездочки.

Джо вздохнул, отвернулся и побрел было в свой угол, как вдруг услышал долгий пронзительный свист. Это Фред! Джо снова вздохнул. Свист повторился. Затем к нему присоединился новый свист. Это Чарли!

Они поджидают его за углом – счастливые ребята!

Ну, на этот раз – дудки! Им его не дожидаться! Свистки запели дуэтом. Джо засопел и заерзал на своем стуле. Нет, они не дождутся его сегодня, упорно твердил себе он, приподнимаясь, однако же, с места. Ему никак нельзя уйти, пока он не узнает, наконец, что такое законы Дракона. Но та самая сила, которая тянула его к окну, теперь заставила его подойти к столу, положить учебник истории поверх других учебников, отпереть дверь и выйти в переднюю. Джо попытался вернуться, но он успокоил себя тем, что он может выйти на самое короткое время, а потом ничто не помешает ему прийти назад и закончить работу.

Спускаясь с лестницы, он решил, что идет не более как на несколько минут. Он шел все быстрее и быстрее и под конец перепрыгивал через две ступеньки на третью. Нахлобучив впопыхах фуражку, он стремглав вылетел через боковое крылечко. И прежде чем добежал до угла, все законы Дракона провалились куда-то в далекое прошлое вместе с самим Драконом, а предстоящие экзамены отодвинулись так же далеко в необъятные сферы будущего.

Глава III

Красный, бурый и рыжий

– Что вы затеваете? – спросил Джо у Фреда и Чарли.

– Будем пускать воздушных змеев, – ответил Чарли. – Идем скорее, нам надоело тебя дожидаться.

Они отправились втроем на холм, откуда видно было как на ладони всю улицу Юнион, расстилающуюся далеко внизу под ними. Этот квартал назывался у них Преисподней, а самих себя они прозвали Горцами.

Спуск Горцев в Преисподнюю считался у них предприятием весьма смелым.

Пускание змеев по всем правилам науки было любимым занятием этих удалых Горцев. Им ничего не стоило запустить в облака шесть-восемь змеев зараз на бечевке длиной с целую милю. Для этого им часто приходилось запасаться новыми змеями, потому что когда, случалось, оборвется бечевка, или свихнется и заковыляет какой-нибудь змей, волоча за собой все остальные, или внезапно затихнет ветер, то змеи их падали в Преисподнюю, а оттуда уже их нельзя было выцарапать ни за какие коврижки: там, внизу, жили юные пираты и разбойники, принадлежащие к такому племени, которое отличалось весьма своеобразными понятиями о праве собственности.

Каждый раз после аварии какого-нибудь змея с горы на следующий день можно было видеть, как этот же самый змей взвивался на бечевке, ведущей прямо к жилищу кого-либо из обитателей Преисподней. И эти обитатели с некоторых пор стали обнаруживать большие успехи в искусстве управления воздушными змеями, несмотря на отсутствие научной подготовки.

Забава Горцев доставляла некоторую выгоду одному старому инвалиду-матросу, который умел чрезвычайно искусно мастерить отличные змеи, благодаря своим познаниям по части воздушных течений и парусов. Он жил в землянке возле самого берега, откуда мог следить своими тусклыми старческими глазами за приливом и отливом, за прибывающими и удаляющимися судами, припоминая минувшее время, когда он сам плавал на корабле.

Добраться до его лачужки можно было, только спустившись в Преисподнюю, куда и направились наши три молодца. Они часто ходили туда днем за змеями, но сегодня в первый раз отважились идти вечером, считая такое путешествие – и не без основания – весьма рискованным.

Преисподняя представляла собой не что иное, как тесный квартал городской бедноты, в котором ютилось самое пестрое разноплеменное население, пробавлявшееся чем попало и копошившееся в непроходимой грязи и нищете. Было еще не поздно, когда мальчишки пробрались через этот квартал к своему поставщику-инвалиду. С ними не приключилось никаких неприятностей, и они шли, не обращая внимания на вызывающие позы и отпускаемые по их адресу насмешливые словечки попадавшихся навстречу уличных мальчишек.

Отставной моряк делал такие змеи, которые не только превосходно летали, но вдобавок были складными и их было весьма удобно носить с собой.

Мальчишки закупили целую кучу этих складных змеев. Каждый из них завернул свою покупку отдельно. Затем свертки были крепко стянуты бечевками. Взяв их подмышку, они тронулись в обратный путь.

– Берегитесь здешних ребят, – посоветовал им старый матрос на прощание, – смотрите в оба; их у нас тут немало под вечер шатается по улицам.

– Мы не робкого десятка! – ответил Чарли. – Коли надо, постоим за себя.

Привыкшие к просторным и тихим улицам высокой части города, путники наши были оглушены и смущены гвалтом этого тесного и смрадного человеческого муравейника. Им казалось, что они пробираются через какие-то чудовищные густые заросли. Они шли все рядом, плечо к плечу, в лабиринте узких закоулков, как бы защищая друг друга и сторонясь этой чуждой им, дикой среды. То и дело они натыкались на детей, которые шныряли повсюду и попадались им под ноги. Простоволосые, нечесанные женщины перекликались между собой, сидя на своих крылечках, или сновали взад и вперед с тощими узелками покупок. Воздух был насыщен запахом рыбы и гнилых овощей. Дюжие ребята нахально поглядывали на тщедушных, оборванных девочек, разносивших кружки пенистого пива. Со всех сторон раздавались трескотня на всевозможных наречиях, резкие выкрики, брань. Квартал гудел, как огромный человеческий улей, каковым он и был в действительности.

– Ух! Хорошо бы выбраться поскорее отсюда, – заметил Фред.

Он произнес это шепотом, а Джо и Чарли только кивнули в ответ. Им было не до разговоров, и они, насколько позволяла толпа, прибавляли шагу, испытывая состояние, знакомое путешественникам, заблудившимся в опасных и диких местах.

И на самом деле все кругом дышало враждебностью. По-видимому, обитателей этого квартала раздражало присутствие опрятных мальчиков из аристократической части города. Их то и дело задирали маленькие ребятишки, скалившие зубы с напускным нахальством и готовые обратиться в бегство при малейшем намеке на угрожающую потасовку. А другие мальчуганы шли за ними шумной свитой, становясь смелее по мере того, как число их увеличивалось.

– Не связывайтесь, пожалуйста, с ними, – уговаривал товарищей Джо. – Не обращайтесь на них никакого внимания. Мы скоро выберемся отсюда.

– Как бы не так, – глухо промолвил Фред. – Погляди-ка сюда – мы попались.

На перекрестке, к которому они подходили, стояло четыре или пять подростков одинакового с ними возраста. На группу падал свет от уличного фонаря. У одного мальчика из-под шапки выбивались кирпично-красные кудри. Очевидно, это был Симпсон Красный, атаман прославленной шайки, неоднократно уже врывавшейся к ним на Гору и наводившей панику на юных джентльменов, которые моментально рассыпались по домам, а перепуганные папаши и мамы бросались к телефонам звонить в полицию.

При виде этой компании ребятишки, гнавшиеся за Горцами по пятам, задали стрекача – обстоятельство мало успокоительное само по себе, – но наши друзья продолжали храбро идти вперед.

Ярко-рыжий мальчуган отделился от своих и загородил чужеземцам дорогу.

Тогда они попробовали обойти его, но он расставил обе руки.

– Чего вы тут шляетесь? – буркнул он. – Какого черта вас сюда занесло?

– Мы идем домой, – спокойно ответил Фред.

Красный метнул глазами на Джо.

– Эй, что у тебя там под мышкой?

Джо крепился и молчал.

– Идем! – дернул он за руку Фреда, стараясь протиснуться вперед.

Но Красный неожиданно ударил Джо кулаком по лицу и выдернул сверток со змеями.

Джо, стиснув зубы, ринулся на обидчика, забыв всякую осторожность.

Предводитель шайки никак не ожидал, что его атакуют на его собственной территории. Он отступил, опасаясь вступать в рукопашную: того гляди – упустишь добычу. А потом он предпочел улизнуть в боковой переулок.

Джо сознавал, что находится в самом сердце вражеского стана, но чувство собственности и оскорбленного достоинства толкнуло его броситься в погоню по горячему следу.

Фред и Чарли побежали за Джо, который значительно опередил их, а за ними увязались остальные три члена шайки, издавая на ходу призывные свистки, очевидно, служившие сиг-

налом для сбора всех. Во время этой погони со всех сторон доносились ответные свистки, и все ближе замелькали темные фигурки, наступающие Фреда и Чарли, напрягавших все силы, чтобы не отставать от своего ретивого товарища.

Красный Симпсон подался в сторону пустыря, рассчитывая на кое-какие лазейки, сбивающие с толку того, кто незнаком с местностью: на спасительные дыры в заборах и стенах, навесы, низкие крыши, проходные дворы и темные закоулки.

Но Джо ухитрился догнать Красного вовремя. Они сцепились и оба рухнули в грязь. Когда Фред, Чарли и мчавшаяся за ними банда добежали до этого места, противники уже стояли на ногах друг против друга, готовые к борьбе.

– Чего тебе надо? – рычал Красный. – Чего тебе надо, хотел бы я знать, а?

– Отдай мой сверток! – ответил Джо.

Но Симпсон и сам был большим любителем змеев. Это видно было по его глазам.

– В таком случае – кто кого одолеет, – объявил он.

– Почему это: кто кого одолеет? – негодовал Джо. – Они мои, и больше ничего. – Он не способен был оценить по достоинству тех воззрений на право собственности, которые усвоило местное население. Банда ребят, волчьей стаей столпившаяся позади своего вожака, завывала и замыкала хором.

– Почему это я должен их отвоевывать? – повторил Джо.

– Потому что я так хочу, – отвечал Симпсон. – А что я хочу, то и делаю. Понял?

Но Джо не понял, он отказывался понимать, каким образом воля Красного Симпсона могла быть законом в городе Сан-Франциско или в какой-либо отдельной части этого города. Чувство чести и порядочности было в нем сильно задето, и его охватил боевой задор.

– Ты мне сейчас же отдашь этот сверток, слышишь! – грозно скомандовал он, протягивая руку за свертком. Но Симпсон отдернул сверток назад.

– Да ты знаешь ли, кто я такой? – спросил он. – Я – Симпсон Красный и никаких приказаний не терплю.

– Брось его, черт с ним, – шепнул Чарли на ухо своему другу. – Чего там горячиться из-за нескольких штук. Плюнь на это дело. Уйдем отсюда.

– Эти змеи – мои, – протянул с расстановкой Джо. – Эти змеи мои, и я намерен получить их обратно.

– Но нельзя же тебе драться со всей этой сворой, – вмешался Фред, – и если даже ты его одолеешь, то они все накинутся на нас.

Наблюдавшая за этими переговорами банда истолковала их по-своему в том смысле, что Джо испугался, и запела снова на все голоса.

– Струсил, струсил! – завизжали и завопили эти сорванцы. – Он нос задрал, он воспитанный! Как бы не изорвать костюмчик! Что скажет тогда мамаша?

– Замолчите! – скомандовал предводитель, и шайка перестала орать.

– Ты отдашь мне этот сверток? – решительно спросил Джо, выступая вперед.

– А ты соглашаешься биться? – ответил Симпсон вопросом на вопрос.

– Я согласен, – ответил Джо.

– Бой! Бой! – загалдела толпа.

– А я буду судьей, – пробасил кто-то сзади, – извольте драться честно, по правилам!

Все оглянулись на человека, который незаметно подошел и выступил со своим заявлением.

На углу горел высокий электрический фонарь, и лучи этого фонаря достигали сборища. При свете его они разглядели здорового, мускулистого парня в рабочей блузе. Обут он был в тяжелые сапоги. Узкий черный ремень стягивал шаровары, заменяя подтяжки, на затылке кое-как держалась черная засаленная фуражка. Лицо его было запачкано копотью, а из раскрытого ворота рубашки выступала толстая шея и здоровенная волосатая грудь.

– А кто вы такой? – проворчал Симпсон, недовольный посторонним вмешательством.

– Не твое дело! – отрезал хмурый пришелец. – А впрочем, если хотите знать, я – кочегар с китайского парохода и повторяю вам еще раз, что буду вашим судьей и буду следить за порядком. Это дело мое. А ваше дело – драться, и притом – честно. Ну, начинайте и не вздумайте провозиться тут до утра.

Появление кочегара ободрило трех друзей, но Симпсону и его компании пришлось не по сердцу.

После непродолжительного совещания Симпсон отдал сверток одному из своих товарищей и выступил вперед.

– Подходи, – крикнул он, сбрасывая куртку.

Джо передал Фреду свою и подскочил к Красному. Оба подняли кулаки и стали в позицию. Симпсон первый нанес смелый удар и ловким движением уклонился от ответного. Джо сразу же оценил искусство противника, но это обстоятельство только еще больше раззадорило его и пробудило в нем решимость во что бы то ни стало добиться победы.

Благодаря присутствию кочегара компания ограничивалась одними только подбадривающими возгласами по адресу Красного и насмешками в адрес Джо. Боксеры крутились, нападали, отскакивали и поочередно наносили друг другу жестокие удары. Их позы резко отличались одна от другой. Джо стоял прямо, высоко подняв голову и твердо упиравшись в землю широко расставленными ногами. Симпсон скорчился так, что голова его почти вся ушла в плечи. Он вертелся волчком, скакал, прыгал и пускал в ход множество неожиданных трюков, изумлявших Джо.

Схватка продолжалась с четверть часа. Оба запыхались, но Джо устал меньше и был свежее Симпсона. На Симпсоне сказывалось, очевидно, вредное влияние курения табака, плохого питания, нездоровых условий жизни: он дышал тяжело и прерывисто. Хотя вначале, благодаря своему искусству, он сумел порядочно отдубасить Джо, под конец он завял, и удары его стали заметно слабее. С отчаяния он пустился на такие хитрости, которые нельзя было назвать бесчестными, но в то же время нельзя было назвать и похвальными. Он наносил быстрый удар и тут же валился в ноги противнику. Джо не мог бить лежачего и должен был отходить. А тот вскакивал на ноги и опять проделывал то же самое.

Но Джо, которому надоела эта уловка, догадался, как с ней справиться. Нацелившись хорошенько, он ухитрился влечь тумака в тот самый момент, когда Красный падал. Симпсон упал, но на этот раз уже не туда, куда метил, а в сторону, подчиняясь направлению отвешенного ему кулаком по голове удара. Он перевернулся и попробовал встать, но ему удалось подняться лишь наполовину; он застонал, еле дыша.

Товарищи стали его подбадривать, и он еще раза два попробовал встать, но почувствовал, что не может продолжать борьбу. Он был оглушен и измучен.

– Сдаюсь, – прохрипел он. – Побит.

Банда присмирела, подавленная поражением своего вожака.

Джо выступил вперед.

– Потрудитесь отдать мне эту вещь, – сказал он, обращаясь к мальчугану, державшему сверток.

– Как бы не так! – ввязался другой представитель банды, загоразивая от Джо его собственность. У него были тоже ярко-красные волосы.

– Сначала тебе придется поколотить еще и меня.

– Не вижу никакой надобности, – резко сказал Джо. – Победа за мной, значит, дело кончено.

– Ну нет, не кончено. Я – Симпсон Бурый, родной брат Красного. Понимаешь?

Джо обогатился все новыми сведениями по части обычаев обитателей Преисподней.

– Ладно, становись, – произнес он решительно, выведенный из терпения вопиющей несправедливостью этих странных обычаев.

Бурый, бывший на год моложе брата, оказался коварным противником, и благодушному кочегару, стоявшему на страже «правил», понадобилось не раз вмешаться, пока наконец и второй отпрыск из рода Симпсонов не растянулся на поле битвы и не признал себя побежденным.

На этот раз Джо протянул руку за змеями в полной уверенности, что он их получит. Не тут-то было. Между ним и его собственностью вырос новый и опять-таки рыжий противник. Нетрудно было догадаться, что и этот мальчуган принадлежит к прославленному роду Симпсонов. Он был как бы последним изданием старших братьев, отличаясь от них несколько более жидким телосложением. Лицо у него было покрыто веснушками, очень заметными при электрическом свете.

– Ты не получишь своих змеев, покуда не посчитаешься со мной, – пропищал он тоненьким голоском. – Я – Симпсон Рыжий, и ты не можешь считать себя победителем нашей фамилии, пока не одолеешь еще и меня.

Банда пришла в дикий восторг, и Рыжий стащил с себя рваный пиджачишко, готовясь к бою.

– Готовься! – крикнул он, обращаясь к Джо.

У Джо болели все суставы, из носу капала кровь, раскроенная губа вздулась, рубашка была растерзана. Вдобавок он страшно устал и тяжело переводил дыхание.

– Сколько вас там еще, Симпсонов? – спросил он. – Мне пора домой, а если у вас в семье еще столько же народу, то с вами не покончишь и за ночь.

– Я самый последний и самый лучший, – ответил Рыжий. – Побьешь меня – получишь змеев. Дело верное.

Хотя младшему представителю рода не доставало силы и сноровки старших братьев, но зато у него были хватки дикой кошки, от которых Джо приходилось солоно. Порой ему казалось, что он не выдержит, не устоит перед порывами этого крошечного, но буйного вихря; все же он не поддавался и крепился изо всех сил. Его вдохновляла мысль, что он бьется за принцип, подобно предкам своим, которые тоже боролись за идею. Ему казалось, что на карту поставлена честь Горы и что он, как представитель Горы, должен грудью постоять за эту честь.

И он продолжал держаться и противился молниеносным налетам шустроного, но неопытного мальчишки до тех пор, пока этот последний Симпсон не выдохся окончательно от своих собственных нерасчетливых движений и, опрокинутый на землю, не признал, что фамилия Симпсонов впервые потерпела постыдное поражение.

Глава IV

Коса на камень

Но трем нашим Горцам вскоре пришлось убедиться, что все в этом квартале отличается крайней ненадежностью.

Не успел еще Джо завладеть своими змеями, как вдруг его изумленным взорам представилась неожиданная картина: все его враги, с кочегаром во главе, ударились в дикое бегство.

Так же, как детвора исчезла мгновенно при появлении банды Симпсона, так и эта исчезла в свою очередь при появлении какой-то новой, наводящей ужас, предательской шайки. Остолбеневший Джо услышал отчаянные крики беглецов: «Рыбаки! Рыбаки!» Он и сам не прочь был укрыться куда-нибудь подальше, но так устал от последней схватки, что не мог двинуться с места. Фреда и Чарли сильно подмывало улизнуть от новой напасти, испугавшей даже таких сорванцов, как бандиты Симпсона, а вместе с ними и достойного судью-кочегара, но им нельзя было покинуть товарища. На пустыре засновали какие-то темные силуэты: одни из них обступили наших мальчиков, а другие бросились в погоню за беглецами. Раздирающие вопли красноречиво свидетельствовали о том, что многие были настигнуты. Когда преследователи вернулись, они волокли за собой огрызавшегося злополучного Симпсона Красного, не выпускавшего из рук свертка со змеями.

Джо с любопытством поглядывал на этих новых мародеров. Все это были молодые люди в возрасте от семнадцати до двадцати трех лет. Некоторые лица выражали такую степень порочности, что при виде их мороз подирал по коже.

Двое из этих молодцов крепко схватили за руки Джо. Фред и Чарли тоже очутились в плену.

– Эй, вы! – рявкнул властным голосом старшина этой партии. – Мы тут разберем вас по своему. В чем дело? Ты, красная рожа, отвечай! Что вы тут делали?

– Я ничего не делал, – плаксиво простонал Симпсон.

– На то похоже! – Старшина повернул голову Красного на свет фонаря. – Кто это тебя так размалевал? – спросил он.

Красный кивнул на Джо, которого тотчас вытолкнули вперед.

– Из-за чего вы тут сцепились?

– Из-за змеев, моих собственных змеев, – смело отчеканил Джо. – Этот малый хотел их у меня отнять. Он и теперь их все еще держит под мышкой.

– Ага, он их сцапал? Смотри сюда, ты, краснорожий, у нас здесь не полагается воровать! У тебя никогда не было ничего своего. Выкладывай сверток. Живо!

Старшина угрожающе стиснул кулак. Симпсон заревел белугой, но выпустил наконец добычу.

– Что ты там прячешь? – спросил старшина, внезапно оборачиваясь к Фреду и вырывая у него из рук сверток. – Еще змеи, а? Целая ходячая фабрика вышла прогуляться, – заметил он в заключение, отбирая последний сверток у Чарли; затем, приосанившись, протянул тоном беспристрастного судьи, собирающегося вынести приговор: – Теперь нам предстоит решить, какому наказанию надлежит подвергнуть этих трех молодцов.

– За что же это? – вспыхнул Джо. – За то, что нас ограбили?

– Нет, не за это, совсем не за это, – вежливо возразил председатель суда, – а за то, что вы тут таскаетесь с вашими игрушками, смущаете народ и учиняете скандалы. Это непозволительное бесчинство, это вещь непростительная, да, да, непростительная.

Воспользовавшись минутой, когда всеобщее внимание было всецело направлено в сторону подсудимых, Красный мигом вывернулся из своего пиджака, оставив его в руках стражей,

вильнул в сторону и стрелой бросился бежать через пустырь к той самой лазейке, в которую он метил нырнуть, когда его ловил Джо. Два-три человека махнули за ним через забор и пустились во всю мочь догонять его.

На задворках яростно залаяли и завыли собаки, каблуки застучали по ящикам и навесам. Потом послышался шумный всплеск – как будто опрокинулась целая бочка с водой. Спустя немного Рыбаки, побежавшие за Красным, вернулись мокрые и пристыженные.

Они попали под холодный душ, которым их предательски угостил коварный мальчишка, – теперь он вызывающе кричал откуда-то сверху, вероятно, с крыши.

Это курьезное происшествие, видимо, смутило начальника банды Рыбаков, и как раз в ту минуту, когда он обратился опять к Джо, Чарли и Фреду, с улицы донесся особый протяжный свист, очевидно, сигнал к отступлению, поданный караулившим парнем. Тотчас вслед за этим сигналом примчался и сам этот парень.

– Быки!¹ – крикнул он, еле переводя дух.

Джо оглянулся, увидел двух приближавшихся полисменов в касках, с карманными электрическими фонарями на груди и шепнул своим товарищам:

– Удирайте!

Но шайка, уже обратившаяся в бегство, загораживала им дорогу впереди, а полиция наступала сзади. Поэтому им пришлось броситься в сторону лазейки Красного Симпсона. Полисмены побежали за ними.

Молодые ноги отличаются резвостью, особенно когда их подгоняет страх, и потому наши мальчишки успели перескочить через забор и очутились в какой-то труппе, среди задворков и закоулков, где сам черт ногу сломит. Полисмены же оказались людьми осмотрительными. Очевидно, они были достаточно осведомлены насчет лазеек подобного рода и благоразумно прекратили погоню, как только наткнулись на первый забор.

Здесь уже не было никаких фонарей, и мальчишки бежали впотьмах, слыша, как колотится у них в груди сердце.

На каком-то дворе, сплошь заваленном коробками и пустыми ящиками, они беспомощно бродили с четверть часа. Трудно было найти выход из этого лабиринта! Куда ни повернись, всюду натыкаешься на бесконечные груды ящиков. Чтобы выбраться из этой западни, пришлось вскарабкаться на крышу сарая, но оттуда они опять попали на какой-то двор, заставленный пустыми клетками для кур.

Потом они наткнулись на тот самый бочонок, из которого Симпсон Красный окатил водой гнавшихся за ним Рыбаков. Прибор отличался простым, но удивительно остроумным устройством. Возле того самого места, куда вела лазейка, прилажен был длинный рычаг, с таким расчетом, что трудно было его не зацепить, когда пролезаешь через отверстие, образованное выломанной доской забора; этот рычаг был пружиной ловушки. Чуть задетый, он сдвигал с места огромный булыжник, служивший опорой балансирующему наверху бочонку, бочонок наклонялся и выливал все свое содержимое на голову тех недальновидных прохожих, которые почему-либо очутились поблизости задетого рычага.

Мальчишки заинтересовались этим прибором и оценили его по достоинству. К счастью для них, бочонок был уже пуст, иначе им пришлось бы испытать на себе его действие, так как шедший впереди Джо задел за рычаг.

– А ведь это, пожалуй, Симпсонов двор? – сказал Джо потихоньку.

– Конечно, его, – решил Фред, – или кого-нибудь из той же компании.

Чарль схватил их обоих за руки.

– Тише! Что там такое? – прошептал он.

¹ Быки – простонародная кличка полисменов.

Они съжились и присели на корточки. Слышно было, как кто-то подходит. Потом зашипела вода, напоминая шум вырывающейся из крана струи.

Еще раз застучали шаги, темная фигура прошла мимо них и полезла на ящик, а с ящика перебралась на верхушку забора. Это был сам Симпсон Красный, заряжавший свой прибор. Мальчики явственно слышали, как он устанавливал рычаг и бульжник, как он поставил опять бочонок на дно и вылил в него два ведра воды. Когда он спрыгнул вниз с ящика и пошел опять за водой, Джо подскочил к нему, повалил и придавил его к земле.

– Не вздумай орать! – проговорил он. – Говори шепотом.

– А, это ты? – сказал Красный с облегчением. Миротлюбивое настроение, прозвучавшее в этой фразе, ободрило наших мальчиков. – Что вы тут делаете?

– Мы ищем выход, – сказал Джо, – и хотим отсюда выбраться как можно скорее. Нас трое, а ты один.

– Ладно, ладно, – перебил начальник банды. – Я вам охотно покажу дорогу и проведу самым близким путем. Я против вас решительно ничего не имею. Ступайте за мной, и я вас мигом выведу.

Не прошло и двух минут, как они уже соскочили с высокого забора и попали на какую-то темную, глухую тропинку.

– Идите по ней прямо, дойдете до улицы, – сказал Симпсон, – а там поверните направо; пройдя два переулка, свернете опять направо и, пройдя еще три квартала, попадете на Юнион-стрит. Тра-ла-ла!..

Мальчики распрощались со своим проводником и двинулись вперед. Вдогонку они получили совет:

– В другой раз, когда пойдете сюда со змеями, лучше оставьте их у себя дома.

Глава V

Опять дома

Следуя указаниям Красного Симпсона, они вышли на Юнион-стрит и без дальнейших злоключений добрались до своей Горы. Оттуда они еще раз взглянули вниз: до них доносился непрерывный смешанный гул густонаселенного места.

– Я никогда больше туда не пойду, никогда в жизни, – сурово вымолвил Фред. – А интересно было бы знать, куда же девался кочегар?

– Хорошо еще, что мы унесли оттуда целыми свои шкуры, – философски-успокоительно заметил Джо.

– Ну, частичку мы оставили там, а особенно ты, – улыбнулся Чарли.

– Что верно, то верно, – согласился Джо. – Однако дома меня ждут неприятности посерьезнее. Покойной ночи, друзья!

Он ожидал, что боковая дверь будет заперта. Так оно и оказалось. Он обошел кругом и влез через окно в столовую.

Проходя на цыпочках через обширный зал по направлению к лестнице, он вдруг столкнулся с отцом, который выходил из библиотеки. Оба были необычайно поражены этой встречей и остановились как вкопанные.

Джо чуть не поддался истерическому приступу смеха, вообразив ту картину, которую наблюдает в данную минуту его отец.

Но вид у него в действительности был еще хуже, чем рисовало его воображение. Мистер Бронсон видел перед собой мальчика, всего покрытого грязью, с багрово-синими подтеками на лице, с распухшим носом, с огромной шишкой на лбу, с рассеченной и вздувшейся губой, с исцарапанными щеками и в разорванной по пояс рубашке.

– Что это значит, сэр? – с трудом выговорил, наконец, мистер Бронсон.

Джо молчал. Ну как уложить в короткий ответ всю длинную вереницу ночных приключений? Их пришлось бы перечислить все до одного по порядку, чтобы объяснить жалкое состояние, в котором он теперь находился.

– Ты что, проглотил язык? – с оттенком нетерпения спросил мистер Бронсон.

– Я... я...

– Ну что же? Продолжай! – ободрял его отец.

– Я... я был внизу... в Преисподней...

– Признаюсь, этому легко можно поверить – да, да, в самом деле, я вижу, что твое показание заслуживает полного доверия. – Мистер Бронсон употреблял строгие интонации, но ему стоило величайшего труда удержаться на этот раз от улыбки.

– Полагаю, что ты сумеешь под этим названием не обычное местопребывание грешников, а скорее какую-либо определенную часть города Сан-Франциско. Не так ли?

Джо сделал движение рукою сверху вниз в направлении Юнион-стрит и сказал:

– Там внизу, сэр, на Юнион-стрит.

– А кто ее окрестил так?

– Я, – ответил Джо таким тоном, как будто признавался в тяжком преступлении.

– Очень метко, доказывает, что у тебя развито воображение. Трудно, в самом деле, придумать что-нибудь лучше. Верно, в школе у тебя хорошо с английским?

Эта похвала не доставила Джо особенного удовольствия, так как английский язык был единственным учебным предметом, за который ему не приходилось краснеть.

А в то время как он стоял олицетворением безмолвного несчастья, мистер Бронсон смотрел на него сквозь призму собственного детства с такой любовью и пониманием, о которых Джо и не подозревал.

– Однако сейчас тебе не до разговоров. Тебе нужна ванна, примочки, пластырь и холодные компрессы, – сказал мистер Бронсон. – Ступай к себе в спальню. Тебе нужно выспаться хорошенько. Имей в виду, что завтра у тебя страшно будет болеть все тело.

Часы пробили час ночи, когда Джо натянул на себя одеяло. И как ему показалось, в ту же минуту он услышал какое-то слабое, но настойчивое, бесконечное постукивание. Выведенный из терпения надоедливым стуком, он открыл, наконец, глаза и приподнялся.

В окно врвался потоками свет солнечного утра. Джо потянулся, собираясь зевнуть, но внезапно почувствовал острую боль во всех мускулах, и его руки упали вниз гораздо скорее, чем они поднимались кверху. Он вскрикнул от боли, посмотрел на руки с тупым удивлением и тут же вспомнил происшествия вчерашней ночи.

Постукивание возобновилось.

– Слышу, слышу! Который час?

– Десятый, – донесся из-за двери голосок Бесси. – Десятый час, одевайся скорее, если не хочешь опоздать в школу.

– Бог мой! – Он спрыгнул с постели и, застонав от отчаянной боли во всем теле, медленно и осторожно присел на стул. – Почему же ты не разбудила меня раньше? – спросил он.

– Папа велел дать тебе поспать.

Джо поморщился. Потом его взгляд упал на учебник истории. Тут он уже застонал по-иному.

– Хорошо, – крикнул он. – Иди! Я сейчас спущусь. – И, действительно, через несколько минут он уже спускался вниз по лестнице, но с такими предосторожностями и гримасами, которые сильно озадачили бы Бесси, если бы она их увидела. Встреча их произошла в столовой. Увидев Джо, Бесси испустила крик ужаса и подбежала к нему.

– Что с тобой, Джо? – спросила она дрожащим голосом. – Что случилось?

– Ничего особенного, – процедил Джо сквозь зубы, посыпая сахаром кашу.

– Как ничего?.. – начала было Бесси.

– Отстань, пожалуйста, – оборвал он ее. – Я опоздал, и мне надо поскорее позавтракать.

Миссис Бронсон в эту минуту поймала взгляд дочери, и Бесси сразу послушно вышла из комнаты, крайне заинтересованная всем этим.

Джо обрадовался, что мать выслала сестру и сама воздерживалась от вопросов. Отец, наверное, предупредил ее вчера обо всем.

Джо знал по опыту, что мать оставит его в покое, и был ей очень благодарен за это.

Ему было неловко. Он спешил скорее покончить со своим одиноким завтраком, чувствуя, что мать как-то тревожно ухаживает за ним.

Она всегда относилась к нему с нежной лаской, но на этот раз он отметил, что она поцеловала его с каким-то особенным чувством, когда он выходил из дому, размахивая книгами на ремне. Он заметил, уже заворачивая за угол, что она все еще смотрит ему вслед из окна.

Впрочем, Джо больше всего был занят своими собственными болевыми ощущениями. Каждый шаг ему обходился дорого. Он страдал и от ран, и от яркого блеска отражаемых асфальтом солнечных лучей, резавших подбитые глаза, и от боли в суставах и мускулах. Он никогда не думал, что мускулы могли бы одеревенеть до такой степени. Решительно каждый отдельно взятый мускул отказывался работать. Пальцы распухли так, что двигать ими было почти невозможно; руки – от кисти до локтя – ужасно ныли. Вероятно, оттого, думал Джо про себя, что вчера пришлось, загоразивая лицо и тело от ударов, подставлять под них локти. Интересно бы знать, как себя чувствует теперь Симпсон Красный, – последняя мысль сопро-

вождалась чувством некоторой товарищеской симпатии к этому сорванцу, испытывавшему в это время, по всей вероятности, аналогичные ощущения.

На школьном дворе все взоры обратились в сторону Джо. Мальчики толпились вокруг него как-то особенно почтительно; даже сверстники и друзья выказывали ему подчеркнутое уважение, которого он раньше никогда не замечал.

Глава VI

Экзамены

Ясно было, что Фред и Чарли уже успели распустить слух о ночных похождениях в Преисподней, о сражении с представителями рода Симпсона и о столкновении с бандой Рыбаков. Джо почувствовал немалое облегчение, когда в десять часов раздался звонок, возвещавший начало занятий. Он вошел в класс, сопровождаемый восхищенными взглядами школьников. Джо заметил, что девочки тоже смотрели на него, но с таким оттенком робости и страха, как будто видели перед собой самого Даниила, выходящего из Львиной пещеры, или Давида после его единоборства с Голиафом.

Положение героя очень стесняло Джо, и он был бы рад, если бы девочки отводили от него глаза, хотя бы ради разнообразия.

Не успел он это подумать, как всеобщее внимание уже обратилось в другую сторону.

Ученикам раздали бумагу, и учительница мисс Вильсон, степенная молодая особа, очевидно, представлявшая земной шар чем-то вроде огромного холодильника и потому вечно кутавшаяся в шерстяной платок и накидку, из которых не вылезала даже в самые жаркие дни, – мисс Вильсон сошла с кафедры и начертала на классной доске очень явственно, так, чтобы было видно всем, римскую цифру I.

Все глаза, а их насчитывалось в классе ровно пятьдесят пар, жадно впились в ее руку, терпеливо выжидая, что за этим последует, и в классе воцарилась мертвая тишина.

Внизу под римской цифрой I она написала: а) В чем состояли законы Дракона? б) Почему один из афинских ораторов выразился о них, что они были написаны «не чернилами, а кровью»?

Сорок девять голов наклонились к столам, и сорок девять перьев заскрипели по бумаге.

Один только Джо продолжал держать голову прямо; глаза его смотрели на доску столь безучастно, что зябкая мисс, оглянувшаяся через плечо, после того как руки ее медленно вывели следующую цифру, II, остановилась на мгновение и пристально воззрилась на него. Затем написала:

а) Каким образом война между Афинами и Мегарой из-за острова Саламина вызвала законодательство Солона?

б) Чем отличались законы Солона от законов Дракона?

Она снова оглянулась на Джо.

Он смотрел все так же тупо.

– В чем дело, Джо? – спросила она. – У вас нет бумаги?

– Нет, благодарю вас, есть, – ответил он и усердно принялся чинить карандаш. Он очинил его превосходно. Потом отточил острие. Не удовольствовавшись этим, он принялся с неистощимым терпением отделять самый кончик острия и добился того, что сделал его еще тоньше. Звук перочинного ножика, скоблившего графит, развлекал пишущих и заставлял их озираться с недоумением. Джо этого не замечал. Возня с карандашом, казалось, поглощала все его внимание, а мысли отстояли одинаково далеко и от карандаша, и от древней истории.

– Без сомнения, всем вам известно, что экзаменационные работы пишутся чернилами. – Мисс Вильсон обращалась ко всему классу, но смотрела на одного Джо.

Отточенный на диво кончик карандаша, к сожалению, сломался, и Джо принялся за прежнее свое занятие.

– Я боюсь, Джо, что вы мешаєте товарищам, – воскликнула мисс Вильсон, выведенная, наконец, из терпения.

Он оставил карандаш, спрятал перочинный ножик и снова устался на доску. Что же он может сказать о Драконе, Солоне и всех этих греках? Он уверен, что провалится, вот и все. Незачем ему и читать остальные вопросы. Не стоит писать, даже если бы он и мог что-нибудь ответить на некоторые из них. Все равно провал неизбежен.

Кроме того, и писать-то больно. И смотреть на доску больно, и закрыть глаза больно, и даже думать больно.

Сорок девять перьев продолжали неумолчно скрипеть, торопясь поспеть за мисс Вильсон, которая испещряла доску все новыми и новыми вопросами, а он, Джо, слушал этот скрип и следил за выраставшими на доске строками, чувствуя себя глубоко несчастным. Голова у него болела и внутри, и снаружи, и он потерял всякую власть над своими мыслями.

Воспоминания о вчерашней ночи назойливо преследовали, точно чудовищный кошмар. Он старался смотреть на мисс Вильсон, которая теперь уселась на кафедру, старался думать о том, что она говорит, но учительницу заслонял носившийся в воображении образ задорного Рыжего Симпсона.

Ничего не поделаешь, приходится терпеть. Он чувствовал себя больным, разбитым и никуда не годным. Провал неминуем. И когда наконец после долгого томительного ожидания листы были собраны, то его лист попал в кучу совершенно чистый; на нем были написаны только его фамилия, название предмета и дата.

После короткого перерыва были собраны новые листы бумаги, и начался экзамен по арифметике. Джо не удосужился даже прочесть задачу.

При нормальных обстоятельствах он, пожалуй, справился бы с этой задачей, но сегодня об этом нечего было и думать. Он положил голову на руки и стал дожидаться следующего звонка. Взглянув на часы, он встретился глазами с Бесси, которая испуганно смотрела на него со своей скамейки. Ему стало досадно. И что это она взялась надоедать ему? Чего она беспокоится? Сама выдержит, конечно, – и довольно с нее. Он сердито взглянул на сестру и закрыл лицо руками. В это время раздался полуденный звонок. Джо опять подал чистый лист бумаги и вышел из класса вместе с товарищами.

Фред, Чарли и Джо любили завтракать на воздухе в особом укромном уголке школьного двора. Но сегодня их излюбленное местечко почему-то понравилось очень многим, и там столпилась целая куча завтракающих школьников. Джо поглядывал на них кисло. Его настроение никак не соответствовало положению увенчанного героя. Его мучила мигрень и мысль о дальнейших экзаменах, которые должны были продолжаться и после полудня.

Ему не нравилось поведение Фреда и Чарли. Они трещали, как сороки, о своих ночных похождениях (выдвигая, впрочем, его роль на первый план) и как-то чересчур покровительственно обращались со своими восхищенными товарищами. Попытки заставить его самого разговориться не увенчались успехом. От вопросов он отделялся нечленораздельным мычанием или лаконичным ответом.

Ему хотелось уйти куда-нибудь подальше, остаться одному, повалиться на траву и позабыть обо всех невзгодах. Он попытался уединиться, но за ним увязалось человек пять или шесть. Ему хотелось сказать им, что он хочет побыть один. Но гордость не позволяла ему это сделать. Вдруг смелая мысль пронеслась у него в голове. Зачем ему оставаться сидеть здесь, когда он знает, что экзамена выдержать не сможет? Зачем подвергать себя лишней пытке?

Лучезарная мысль увлекла его, и он принял решение.

Он направился прямо к школьным воротам и вышел на улицу. Удивленные товарищи остановились, а он продолжал идти как ни в чем не бывало и скоро, повернув за угол, скрылся из виду. Он шел куда глаза глядят, пока не очутился на трамвайной остановке. Трамвай выпускал в эту минуту пассажиров. Джо забрался в него и сел у окна. Трамвай ехал за город. Джо не заметил, как доехали до конечной остановки, и очнулся только тогда, когда трамвай стал заворачивать по кругу назад. Он соскочил с площадки и увидел перед собой огромное зда-

ние паровой пристани. Значит, он проехал, ничего не слыша и ничего не замечая, через самый центр делового квартала Сан-Франциско. Джо взглянул на башенные часы пристани. Они показывали десять минут второго – еще можно попасть на паром, отчаливавший в четверть второго. Это обстоятельство подтолкнуло его взять билет.

Без малейшего представления о том, что он будет делать дальше, Джо взял билет, заплатил за него десять центов, поднялся на палубу и через несколько минут уже плыл по заливу, направляясь в красивый город Окленд.

Часом позже он очутился неизвестно каким образом на Оклендской верфи. С того места, где он сидел, прислонившись воспаленной головой к какому-то столбу, ему видны были палубы нескольких небольших парусных судов.

Фланирующая публика останавливалась посмотреть на них, и вскоре они заинтересовали и Джо.

Их было четыре, и Джо со своего места мог разобрать их названия. На корме одного из них, стоявшего как раз перед ним, красовалась большими зелеными буквами надпись: «Привидение». Три других назывались «Каприз», «Королева устриц» и «Летучий Голландец».

На каждом судне была посредине каюта с печной трубой; из трубы «Привидения» поднимался дымок. Дверцы каюты «Привидения» стояли настежь открытые, и крыша ее была откинута, так что Джо мог разглядеть внутренность каюты и хлопотавшего около печки молодого человека лет девятнадцати-двадцати, в высоких морских сапогах, синих штанах и темной шерстяной фуфайке. Засученные по локоть рукава открывали крепкие руки с бронзовым загаром; такого же цвета было и его лицо. Оттуда доносился и щекотал обоняние приятный запах кофе, смешанный с запахом вареных бобов.

Парень поставил на плиту сковородку с ломтиками сала и, когда эти ломтики зашипели, кинул на нее толстый кусок бифштекса. Во время работы этот здоровяк разговаривал со своим компаньоном, который черпал ведром соленую воду и поливал ею кучи сваленных на палубе устриц. Закрыв устрицы мокрыми мешками, его товарищ вошел в каюту, и они вместе сели за обед.

Это зрелище задевало струны романтической природы Джо. Вот это жизнь, эти люди действительно живут, свободно дышат на широком водном просторе, под открытым небом; солнце, ливень, ветер, бушующее море – их родная стихия.

А он, бедняга, томится вместе с полсотней таких же, как он, арестантов, ежедневно просяживая часами в школьной казарме, набивая голову всяким хламом! Эти люди живут счастливо и беззаботно, дышат полной грудью, гребут, управляют парусами, варят сами себе пищу и, наверное, переживают такие приключения, которые им, школьникам, и во сне не снятся...

Джо вздохнул. Он чувствовал себя созданным именно для такой вольной жизни, а не для школьной науки. Учение совершенно не по нему.

Экзамена он сдать не мог, тогда как Бесси, без сомнения, возвращается теперь домой торжествующая, выдержав экзамены, все до одного, самым блистательным образом.

О, какое невыносимое создается положение! Отец ошибся, определив его в школу. Хорошо учиться тем, у кого есть охота к учению. Ясно, что у него нет ни малейшей склонности к наукам. Разве нельзя сделать себе карьеру помимо школы? Сколько великих людей вышло из самых низких сословий! Простые матросы становились хозяевами целых флотилий, вершили большие дела и заносили свои имена на страницы истории. Почему бы и ему не сравняться с ними?

Джо закрыл глаза и почувствовал себя глубоко несчастным; когда же он раскрыл их вновь, то сообразил, что он спал и что солнце уже близко к закату.

Он вернулся домой, когда уже стемнело, и прошел прямо к себе в комнату, не встретив никого из домашних. Растянувшись между прохладными простынями, он облегченно вздохнул, утешая себя тем, что как-никак, а от истории он все же отделался.

Но затем мелькнула другая неприятная мысль, что теперь потянется длинное полугодие и что через шесть месяцев ему предстоит опять сдавать экзамен по истории.

Глава VII

Отец и сын

На следующее утро, после завтрака, Джо позвали к отцу в библиотеку, и он почти обрадовался этому: должны же, наконец, проясниться сложившиеся обстоятельства. Мистер Бронсон стоял у окна и наблюдал стайку шумно чирикавших воробьев, слетавшихся в одно место. Джо тоже подошел к окну и увидел барахтавшегося на траве птенчика, который делал невероятные усилия встать на слабые ножки и каждый раз смешно опрокидывался навзничь. Он вывалился из гнезда, свитого в розовых кустах под окном, и оба родителя птенчика были ужасно встревожены.

– Вот какие бывают прыткие птенчики, – заметил мистер Бронсон с серьезной улыбкой, обращаясь к сыну. – Смотри, как бы с тобой не случилось того же. Я боюсь, друг мой, что дела твои принимают плохой оборот и надвигается кризис. Я этого ожидал, наблюдая целый год за тем, как ты халатно относишься к учению и постоянно стараешься отлынивать от занятий в погоне за разными приключениями.

Он сделал паузу, как бы ожидая ответа, но Джо молчал.

– Я тебе предоставил полную свободу. Я сторонник свободного воспитания и верю в то, что только такое воспитание развивает лучшие душевные качества. А потому я и не донимал тебя нравоучениями и ни в чем не стеснял тебя. Я требовал от тебя немного, и ты мог распоряжаться своим временем как угодно. Словом, я положился вполне на твою добросовестность и самостоятельность, твердо веря, что здравый смысл удержит тебя от дурного поведения и заставит, по крайней мере, сносить учиться. Но я ошибся. Как же теперь нам быть? Неужели ты хочешь, чтобы я наложил на тебя какую-нибудь узду? Чтобы я стал контролировать твоё поведение? Чтобы я заставлял тебя заниматься насильно?

– Вот тут у меня лежит письмо, – продолжал мистер Бронсон после новой небольшой паузы. Он достал со стола конверт и вынул листик бумаги.

Джо узнал твердый, упрямый почерк учительницы мисс Вильсон, и у него екнуло сердце.

Отец начал читать:

«В течение последнего полугодия сын ваш отличался крайней небрежностью и непослушанием и потому на экзамене обнаружил полную неподготовленность. Он не мог ответить ни слова на заданные вопросы по истории и арифметике и сдал совершенно чистые листы. Экзамены по этим предметам происходили утром. На остальные, после полудня, он не удосужился даже явиться».

Мистер Бронсон остановился и посмотрел на сына.

– Где ты был после полудня? – спросил он.

– Я был в Окленде, – лаконично ответил Джо, не упомянув о том, что у него страшно болела голова и ломило все тело.

– То есть, что называется, сваял дурака, не так ли?

– Так, сэр, – ответил Джо.

– Накануне вечером, вместо того чтобы готовиться к экзаменам, ты счел за лучшее уйти из дому и затеять драку с какими-то хулиганами. Я не упрекнул тебя в то время ни словом. И собирался совсем выкинуть из головы это происшествие, если бы ты как следует выдержал экзамены.

Джо понимал, что ему решительно нечего на это ответить, но он чувствовал также и то, что отец неспособен его понять и что разговор этот ни к чему не приведет.

– Все дело портят твоя беспечность и неумение сосредоточиваться. Тебе недостает, я вижу, основательной дисциплины, которую я до сих пор не решался тебе навязывать. Но с

некоторых пор я стал подумывать о том, не лучше ли отдать тебя в какое-нибудь военное учебное заведение со строгой дисциплиной и неукоснительным расписанием всех двадцати четырех часов в сутки.

– Ах, отец, ты не понимаешь меня и не можешь понять! – вырвалось наконец у Джо. – Я стараюсь учиться, я стараюсь изо всех сил, но почему-то – сам не знаю почему – у меня ничего не выходит. Может быть, я неудачник, или я совершенно неспособен к учению. Меня тянет на волю. Я хочу видеть жизнь... Военная школа не по мне, я бы лучше хотел уйти в море, где я мог бы что-нибудь делать и кем-нибудь быть.

Мистер Бронсон ласково посмотрел на сына и проговорил:

– Ты можешь надеяться что-нибудь сделать и кем-нибудь стать только посредством учения.

Джо безнадежно махнул рукой.

– Я сочувствую тебе и понимаю тебя, но ты еще мальчик и смахиваешь на того воробушка под окном, которого мы наблюдали. Если ты не в состоянии заставить себя заниматься уроками дома, то ты так же не сможешь выполнить и ту задачу, которую тебе поставит жизнь, когда ты выйдешь в свет. Но когда ты окончишь школу, я намерен отпустить тебя на некоторое время на все четыре стороны, до поступления в университет.

– Отпусти меня сейчас, – порывисто сказал Джо.

– Нет, погоди, теперь еще рано. Ты еще не оперился как следует. Твои взгляды и идеалы еще недостаточно сформировались и окрепли.

– Но я совершенно неспособен учиться.

Мистер Бронсон взглянул на часы и собрался уходить.

– Я еще подумаю о тебе. Не знаю, что лучше: сразу ли отдать тебя в военную академию или оставить еще на некоторое время в школе.

В дверях мистер Бронсон на минутку остановился и оглянулся на сына.

– Я не сержусь на тебя, Джо, помни это, – проговорил он. – Я только сильно огорчен и расстроен. Подумай как следует о том, что я тебе сейчас говорил, а вечером скажи мне, что ты думаешь предпринять.

Отец ушел. Джо услышал, как за ним захлопнулась выходная дверь.

Он сел в кресло и закрыл глаза. Военная академия! Он боялся подобных учреждений, как зверь западни! Что же касается школы... тут он глубоко вздохнул. Ему дали подумать до вечера. Но откладывать до вечера незачем. Он уже и теперь знает, что ему надо делать. Джо вскочил с кресла, надвинул на лоб фуражку и направился к выходу. Он докажет отцу, что сумеет выполнить свою жизненную задачу, думал он, уходя, да, он ему докажет. Пока он дошел до школы, план его уже созрел окончательно. Оставалось только привести его в исполнение. Была большая перемена, и он мог пробраться в класс и собрать свои книги, не обращая на себя ничьего внимания.

Проходя обратно через двор, он неожиданно наткнулся на Фреда и Чарли.

– В чем дело? – остановил его Чарли.

– Отстань! – буркнул Джо.

– Что ты делаешь?

– Несу книги домой, как видишь. А ты что думал?

– Ну, ну! – вмешался Фред. – Что за секреты, рассказывай, что с тобой приключилось!

Почему ты не хочешь сказать?

– Вы это скоро узнаете! – многозначительно произнес Джо, – более многозначительно, чем хотел.

Он повернулся спиной к изумленным друзьям и поспешил уйти, боясь сказать лишнее. Придя в свою комнату, он стал приводить все в порядок. Снял с себя и старательно при-

брал новый костюм, переделался в другой, похуже. Вынул из комода смену белья, достал две рубашки, полдюжины носков и носовых платков, гребень и зубную щетку.

Завернув все это в бумагу и туго затянув бечевкой, он полюбовался свертком. Потом подошел к письменному столу и вынул из потайного ящика свои сбережения за несколько месяцев, образовавшие сумму в несколько долларов. Он копил эти деньги к празднику 4 июля², но теперь опустил их в карман без малейшего сожаления и колебания.

После этого он уселся за стол, раскрыл бювар и написал следующее:

*«Не ищите меня и, пожалуйста, не беспокойтесь обо мне. Я неудачник и отправляюсь в морское плавание. За себя постоять сумею. Когда-нибудь я вернусь, и тогда все вы будете мною гордиться. Прощайте, папа, мама и Бесси.
Джо».*

Он положил эту записочку на видное место, сунул сверток под мышку, окинул комнату прощальным взглядом и вышел.

² Национальный праздник Соединенных Штатов Америки в память объявления независимости тринадцати колоний 4 июля 1776 г. после войны с Великобританией.

Глава VIII

Фриско-Кид и новичок

Фриско-Кид чувствовал себя отвратительно; он испытывал сильное раздражение и недовольство. Мальчуганы, удивившие рыбу на доке и поглядывавшие на него с нескрываемой завистью, никоим образом не могли бы заподозрить в нем подобное настроение. Правда, они были одеты лучше и чище, и родители баловали их, но зато он живет с моряками, на вольном просторе, жизнь его полна приключений, товарищи его – настоящие рабочие люди, а они, несчастные малыши, сидят в заточении по домам и томятся от скуки на школьной скамье. Юные рыболовы не замечали, что Фриско-Кид, в свою очередь, с не меньшей, если не с большей, завистью взирает на них из своего кокпита на «Ослепительном» и вздыхает как раз о тех самых условиях жизни, которые им казались несносными. Мир приключений манил их, как пение сладкогласной сирены, и навевал им смутные мечты о дальних странах и славных подвигах. А Фриско-Кид в это же самое время предавался упоительным грезам о тихом семейном очаге и мечтал о том, в чем судьба ему отказала, – о братьях, сестрах, о советах отца и нежных материнских объятиях.

Он сердито нахмурился, спустился с крыши каюты «Ослепительного», где лежал, лениво развываясь на солнечном припеке, и сбросил с себя тяжелые резиновые сапоги.

Потом он уселся на узенькой боковой палубе и опустил ноги в соленую воду.

Вот это называется – свобода, думали про себя наблюдавшие его мальчуганы. Их особенно пленяли эти огромные морские сапоги, которые доходили чуть не до бедер и пристегивались к поясу. Они не знали, что у Фриско-Киды не было своих собственных сапог и он носил старые сапоги Пит-ле-Мэра, которые ему были совсем не впору. Кроме того, мальчики не могли представить, до чего мучительно было таскать на себе эту заманчивую обувь в жаркий летний день.

Хотя Фриско-Кид сердился на этих мальчишек, глазевших на него, как на чудо морское, недовольство его вызывалось другой причиной.

Экипаж «Ослепительного» был не в полном составе: нужен бы еще один человек, а то Киду приходилось работать за двоих. Он не прочь быть за повара, мыть посуду и качать воду, но он терпеть не может, когда его заставляют чистить кастрюли и мыть посуду. Он считал, что имеет право быть избавленным от подобной работы, с которой одинаково успешно может справиться всякий молокосос, а он умеет управлять парусами, сниматься с якоря, править рулем и приставать к берегу.

– Эй, берегись! – Пит-ле-Мэр, или Француз-Пит, капитан «Ослепительного», владыка и хозяин Фриско-Киды, швырнул сверху какой-то узелок в кокпит и спустился по фордунам правого борта.

– Сюда! Живей! – крикнул он мальчику, которому принадлежал узелок и который что-то замешкался. С того места, где стоял мальчик, и до палубы шлюпа было сверху вниз добрых футов пятнадцать, он не мог достать рукой до стального штага³, по которому надо было спускаться на палубу.

– Ну же! Раз, два, три! – отсчитал Француз с добродушной улыбкой капитана, которому только что удалось завербовать недостававшего ему матроса.

Мальчик подался вперед всем своим корпусом и ухватился за штаг. Спустя минуту он уже стоял на палубе с обожженными от сильного трения ладонями.

– Кид, это наш новый матрос. Честь имею представить!

Капитан Француз-Пит осклабился, кивнул головой и затем отступил шага на два.

³ Штаг – судовой канат от верха передней мачты до носа корабля.

– Мистэ-эр Шо Бронсон, – добавил он в виде пояснения.

Оба мальчика с минуту молча рассматривали друг друга. Они, очевидно, были сверстниками, но у новичка был более здоровый и бодрый вид.

Фриско-Кид подал ему руку.

– Так вы намерены пуститься в плавание? – спросил он.

Джо Бронсон кивнул головой и сказал, с любопытством посмотрев кругом:

– Да, я думаю, недельное плавание мне по плечу, а со временем, когда освоюсь с этим делом, уйду в море на баке.

– На чем?

– На баке – это то место, которое занимают матросы, – пояснил Джо застенчиво и краснея за свое, быть может, не совсем правильное произношение.

– О, на баке! Кое-что вы, видно, смыслите в морском деле?

– Да... нет... то есть знаю кое-что только из книг.

Фриско-Кид свистнул высокомерно, повернулся на каблуках и отправился в каюту.

«Уйдет в море, – посмеивался он про себя, разводя огонь и принимаясь готовить ужин, – да еще на баке – и воображает, что это очень приятно».

Тем временем Француз-Пит, притворяясь радушным хозяином, залучившим к себе почетного гостя, водил новичка по палубе и давал ему объяснения. Он расточал при этом столько любезностей, что Фриско-Кид, высунувшись из люка, чтобы позвать их к ужину, чуть не прыснул со смеху.

Джо Бронсон давно не ужинал с таким удовольствием. Пища была простая, но вкусная, а соленый воздух и судовая обстановка обостряли аппетит. Маленькая уютная каюта отличалась чистотой; в ней все было очень удобно расставлено, так что не пропадало даром ни одного уголка. Стол был привешен на петлях к стене, и доска его опускалась только во время еды.

По обеим сторонам каюты помещались две койки, которые служили скамьями во время еды. Одежда была свернута валиком, и обедающие садились с краю на гладких досках. Вечером каюту освещала висячая морская лампа с блестящим медным резервуаром, а днем свет проникал в нее через иллюминаторы – четыре круглые боковые оконца из массивного стекла. Возле дверей – с одной стороны – плита и ящик для дров, с другой – шкаф для посуды. На передней стене висели две винтовки и двустволка. Из-под свернутых одеял на койке Француза-Пита торчала ременная перевязь и два револьвера в кобурах.

Джо чувствовал себя как во сне. Бесчисленное число раз мерещились ему подобные сцены, но ведь теперь он не спит, а видит все это наяву, и ему казалось, будто бы он уже давным-давно знаком с этими двумя сотоварищами. Француз-Пит весело улыбался, иронически поглядывая на него со своего места за столом. По правде сказать, у капитана была прескверная рожа, но Джо приписывал это влиянию непогоды. Фриско-Кид, уписывая за обе щеки, рассказывал с набитым ртом про то, как «Ослепительный» выдержал последний шторм, и Джо проникался все возрастающим уважением к этому молодому человеку, который так долго жил на море и, видимо, так основательно его знает.

А капитан усердно потягивал вино стакан за стаканом; на лице у него выступили красные пятна, он растянулся на койке поверх одеял и скоро захрапел во всю мочь.

– Ложитесь-ка лучше спать и вздремните часика два, – сказал приветливо Фриско-Кид, указывая Джо его место на койке. – Наверное, эту ночь нам придется с вами продежурить.

Джо последовал мудрому совету, но долго не мог заснуть. Он лежал и смотрел на висевший в каюте будильник, дивясь быстрой смене событий за последние двенадцать часов. Не далее как нынче утром он был простым школьником, а теперь он уже матрос на борту «Ослепительного» и отправлялся неизвестно куда.

Он сразу вырос в своих собственных глазах лет на пять – ему как будто уже не пятнадцать, а целых двадцать лет, и он чувствовал себя настоящим мужчиной, да еще вдобавок матросом.

Ему хотелось бы показаться Чарли и Фреду. Ну да они и так скоро о нем услышат! Интересно было бы послушать, что они будут о нем говорить, окруженные толпой любопытных слушателей. «Кто, кто? О, Джо Бронсон – он ушел в море. Мы с ним были закадычными приятелями».

Джо с гордостью представлял себе подобную сцену. Потом у него слегка защемило в груди при мысли о матери и ее тревоге, но, вспомнив отца, он опять зачерствел. Нельзя сказать, что отец был плох – он славный и добрый человек, но решительно неспособен понять его, Джо, и вообще душу мальчика. Вот в чем беда. Сегодня утром он еще говорил, что мир – не площадка для лаун-тенниса и что мальчики, которые смотрят на жизнь легкомысленно, часто попадают впросак и рады бывают поскорее вернуться домой. Ну, он-то, Джо Бронсон, хорошо знает, что свет полон тяжелой работы и суровых испытаний, но знает также, что некоторые права есть и у мальчиков и нельзя обращаться с ними, как с рабами. Он покажет отцу, что сумеет постоять за себя; во всяком случае, ничто ему не мешает написать домой письмо, когда он получше освоится с новой жизнью.

Глава IX

На борту «Ослепительного»

Легкий толчок прервал его грезы. К «Ослепительному» бесшумно пристал какой-то ялик, и Джо удивился, что не слышал стука весел в уключинах. Затем два человека перескочили через перила кокпита и вошли в каюту.

– Они тут дрыхнут, черт побери, – выругался первый вошедший, сдергивая одеяло с Фриско-Киды одной рукой и доставая бутылку с вином другой.

Сонный Пит высунул голову из-за ящика и пробормотал приветствие.

– А это кто такой? – спросил новоприбывший по имени Кокней, облизывая усы и стаскивая Джо за ногу на пол. – Пассажир?

– Нет, нет, – торопливо ответил Француз-Пит. – Это наш новый юнга. Славный парень.

– Хороший или плохой, а ему придется держать язык за зубами, – буркнул другой пришелец, до сих пор молчавший, окидывая Джо свирепым взглядом.

– А какой ему дадут паек из добычи? – вставил первый. – Мы с Биллом любим вести дело начистоту.

– На долю «Ослепительного» полагается третья часть. Остальное мы поделим между собой поровну. Пять человек – пять пайков, вполне справедливо.

Француз-Пит горячо доказывал, что «Ослепительный» имеет право на экипаж из трех человек, и призывал Фриско-Киду в свидетели. Но последний счел за лучшее уклониться от спора и занялся приготовлением кофе.

Из всей этой тарабарщины Джо уловил только то, что спор разгорелся почему-то из-за него. Под конец Француз-Пит настоял на своем, и вновь прибывшие уступили ему после долгих препирательств. Напившись кофе, все отправились на палубу.

– Вы стойте тут, в кокпите, и не попадайтесь им на глаза, – шепнул Фриско-Кид своему новому приятелю Джо. – Я вас научу, как управлять снастями, и всему прочему потом, на досуге. А теперь нам не до того.

В груди у Джо шевельнулось чувство благодарности, он понял инстинктивно, что в случае надобности из всех присутствующих его поддержит только Фриско-Кид и что лишь на него одного можно положиться. К Французу-Питу у Джо возникла уже какая-то антипатия. Чем это было вызвано, он не мог бы объяснить, но живо ощущал ее.

Вдруг заскрипели блоки; в темноте над головой у Джо взвился огромный парус, и «Ослепительный», подхваченный ветром, плавно понесся в самую середину канала. Билл ослаблял булинь⁴. Кокней стоял на руле. Фриско-Кид направлял кливер. Француз-Пит поддерживал румпель. Джо слышал, как они говорили о том, что нельзя зажигать фонарей, что надо быть начеку, но из всего этого он мог понять только то, что речь идет о нарушении какого-то навигационного правила.

Береговые огни Окленда проносились мимо них. Скоро между доками и темными массами кораблей стали вырисовываться неясные очертания болотистых топей, и Джо догадался, что они входят в бухту Сан-Франциско. Ветер набегал с севера слабыми порывами, и «Ослепительный» бесшумно рассекал воды канала.

– Куда мы идем? – спросил Джо у Кокнея, желая завязать с ним дружеский разговор и вместе с тем удовлетворить свое любопытство.

⁴ Булинь – снасть для подтягивания наветренной стороны паруса.

– Мы идем с компаньоном Биллом за погрузкой на его фабрику, – небрежно ответил этот достойный негодяй.

Джо подумал, что по наружному виду трудно было бы догадаться, что имеешь дело с такой солидной персоной, как совладелец фабричного предприятия, но промолчал, сознавая, что в этом новом для него мире рискует натолкнуться на еще более поразительные явления.

Немного погодя ему приказали погасить лампу в каюте. «Ослепительный» повернул к северному берегу. Все молчали, только Билл и капитан изредка перешептывались. Наконец судно поставили против ветра и осторожно опустили кливер и главный парус.

– Короткий канат! – шепотом скомандовал Француз-Пит Фриско-Киду, который прошел на нос и бросил якорь на короткой цепи.

Шлюпку «Ослепительного» и ялик, доставивший обоих незнакомцев, подвели к борту.

– Пригляди за этим поросенком, как бы он не нашумел, – произнес вполголоса Билл, спускаясь со своим товарищем в лодку.

– Грести умеете? – спросил Фриско-Кид, когда остальные уселись в ялик. Джо утвердительно кивнул головой.

– Так беритесь за весла и не стучите.

Фриско-Кид сел за другую пару весел, а Француз-Пит взялся за руль. Джо заметил, что весла были чем-то перевязаны, а уключины обтянуты кожей.

Все заранее было предусмотрено, и шума быть не могло, разве при неловком взмахе, но Джо упражнялся в гребле на Меритском озере и хорошо владел веслами. Они шли следом за первой лодкой, вдоль длинного мола. Несколько сторожевых судов стояли на якоре у самого мола. На судах горели яркие сторожевые огни, но лодки пробирались поодаль, вне освещенной полосы. По команде Фриско-Киды, произнесенной шепотом, Джо сложил весла. Затем обе лодки бесшумно, точно привидения, пристали к отлогому берегу и путешественники осторожно выбрались на сушу.

Джо последовал за другими. Дойдя до насыпи, футов в двадцать высоты, они вскарабкались на нее. По насыпи пролегалo узкое железнодорожное полотно, по обе стороны которого были навалены огромные кучи ржавого железного лома. Эти кучи, пересеченные рельсами, тянулись по всем направлениям, а вдали виднелись смутные очертания какого-то огромного здания, похожего на фабрику. Пришельцы стали забирать лом и перетаскивать его на отмель. Француз-Пит схватил за руку Джо и заставил его делать то же самое, еще раз приказав не шуметь. Они сваливали железо на берегу, а Фриско-Кид подбирал его и переносил на лодки. Нагрузив сначала одну лодку, он принялся грузить другую. По мере того как лодки оседали от тяжести, он все дальше отводил их от берега на более глубокое место.

Джо работал вместе с другими не покладая рук, но в то же время недоумевал: что за странная работа? К чему вся эта таинственность и необычайная осторожность? И вдруг его осенило страшное подозрение: как раз в эту минуту с берега донесся крик филина. Удивившись присутствию филина в таком неподобающем месте, Джо опять нагнулся подбирать железо, как вдруг из темноты выскочил человек и внезапно осветил его потайным фонарем. Ослепленный струей света, Джо откатнулся в сторону: блеснул револьвер, и грохнул выстрел. Джо смекнул, что это стреляют в него и что ему надо опроретью бежать. При всем желании нельзя же было оставаться на месте и вступать в дипломатические переговоры с этим сумасшедшим, у которого в руке еще дымился револьвер. Он ринулся со всех ног к берегу и наткнулся на другого человека с потайным фонарем, который выбежал ему навстречу из-за кучи железа.

Опрокинув этого второго человека, он пустился вниз по откосу, но тот быстро вскочил на ноги и в свою очередь открыл по нему пальбу.

Добежав до берега, Джо кинулся в воду и мигом добрался до ялика. Француз-Пит и Фриско-Кид, опередившие Джо, уже сидели там, один на передних веслах, другой на задних, и спокойно ждали его прибытия. Ялик стоял носом к морю. Они держали весла наготове, но не

трогались с места, несмотря на долетавшие до них пули. Другая лодка стояла ближе к берегу и загрузла. Билл старался столкнуть ее с места и звал Кокнея на помощь, но Кокней совершенно ошалел от страха и бежал за Джо, барахтаясь в воде. Не успел Джо взобраться на корму, как и тот полез на нее. Эта лишняя тяжесть чуть было не опрокинула и без того сильно нагруженный ялик. Он накренился, через борт плеснула вода. В это время с берега дали новый залп.

Пальба подняла тревогу. Со сторожевых судов слышались окрики. На молу засновали тени, вдаль заливался полицейский свисток.

– Пошел прочь! – крикнул Кид. – Ты нас ко дну пустить хочешь, я вижу. Ступай, помоги товарищу!

Но у Кокнея от страха отнялся язык и ноги.

– Вышвырните этого полоумного, – скомандовал Француз-Пит, продолжавший сидеть на носу. В это мгновение пуля перебила у него весло, и он спокойно достал и вложил в уключину другое, запасное.

– Беритесь-ка, Джо, – промолвил Кид.

Джо сообразил в чем дело, и они разом схватили ошалевшего от страха Кокнея и выкинули его за борт.

Две-три пули шлепнулись в воду около того места, где Кокней вынырнул на поверхность, и вынырнул как раз в пору, так как в это самое время подъехал Билл, которому удалось, наконец, сдвинуться с мели и который моментально выхватил товарища из воды.

– Вперед! – скомандовал Француз-Пит, и два-три сильных взмаха вынесли их из-под пуль. Обе лодки исчезли во мраке.

Но утлый ялик зачерпнул так много воды, что каждую минуту ему грозила опасность затонуть. Двое продолжали грести, а Джо, по приказу Француза, стал выбрасывать за борт железо. Это спасло их на время. Но в тот момент, когда они остановились у борта «Ослепительного» и стали вылезать, ялик опять накренился и, хлебнув воды, опрокинулся, пустив ко дну остатки железа. Джо и Фриско-Кид вынырнули рядом и вскарабкались вместе на судно, волоча за собой пойманную ими привязь ялика. Француз-Пит был наверху и помог им взобраться.

Когда они возились с опрокинувшейся лодкой, подъехал и Билл со своим товарищем. Работа закипела, и Джо не успел оглянуться, как парус и кливер взвились и «Ослепительный» понесся по каналу. Не доезжая до первого болота, Билл и Кокней распрощались с ними и отошли на своей лодчонке. Француз-Пит забрался в каюту и, проклиная свою горькую долю на разных языках, искал утешения на дне бутылки.

Глава X

Среди прибрежных пиратов

Подул свежий ветер, когда они отошли от берега, и «Ослепительный» так сильно накренился, что подветренная его сторона зарылась в воду до самых поручней кокпита. Вывесили сторожевые огни. Фриско-Кид правил рулем, а Джо сидел возле него и размышлял над событиями этой ночи.

Сами факты говорили за себя, и обмануться в их значении было нельзя. У Джо раскрылись глаза, и в голове его зародились самые мрачные мысли. Положим, что он влопался по неведению; он боялся не столько за прошлое, сколько за будущее. Он попал в компанию воров и разбойников, в общество прибрежных пиратов, о подвигах которых он уже кое-что слышал. А теперь он и сам очутился в их компании и знает о них столько, что легко мог бы засадить их в тюрьму. Он хорошо понимал, что это заставит их держать ухо востро и что отныне они будут зорко следить, как бы он не сбежал от них. Но он все-таки улизнет при первой возможности.

На этом месте размышления его были прерваны налетевшим шквалом. «Ослепительного» сильно качнуло, и по палубе прокатилась волна. Фриско-Кид ловко повернул на бейдевинд и отпустил вместе с тем большой парус. Потом он стал брать рифы, все время работая один, так как Француз-Пит оставался внизу, а Джо не сумел бы помочь ему в этом деле.

Шквал, покачнувший «Ослепительного», продолжался недолго, но предвещал непогоду, и бурные порывы ветра стали налетать один за другим с севера. Они рвали и трепали паруса с такой силой, что казалось изорвут их в клочки. Бушующие волны подкидывали судно. Все было в смятении, однако даже неопытный глаз Джо уловил в этой суматохе какой-то порядок.

Джо заметил, что Фриско-Кид твердо знал, что и как нужно делать. Глядя на него, он постиг ту великую истину, незнание которой погубило немало людей, – он понял, как важно для каждого знать *истинную меру своих сил и способностей*.

Фриско-Кид знал, на что он способен, и потому действовал уверенно. Он все время сохранял полное хладнокровие и самообладание, работал быстро и четко, без малейшего промаха. Он брал рифы и основательно закреплял концы. Могли произойти другие случайности, но тех узлов, которые он завязывал, наверное, не сорвал бы никакой последующий шквал, хотя бы их было сорок.

Он позвал Джо на нос, чтобы тот помог ему расправить парус с помощью гафель-гарделя⁵. Оставалось взять риф у кливера на бушприте, но это уже было нетрудно.

По указанию товарища Джо отпустил кливер-шкот и отправился в кокпит, где ему пришлось спустить на целый фут подвижной киль.

Борьба со стихией разогнала мрачные мысли Джо. Подражая товарищу, он сохранял полное хладнокровие, толково и быстро исполнял все его приказания. Они совместно противопоставляли свои слабые силы натиску бурной стихии и совместно победили ее.

Джо вернулся к тому месту, где его товарищ стоял у румпеля, управляя рулем; он гордился им и собой. А когда он прочел в глазах Фриско-Киды молчаливое одобрение, то покраснел, как девушка, услышавшая первый обращенный к ней комплимент. Однако тут же внезапно спохватился, что ведь перед ним стоит, собственно говоря, вор, самый обыкновенный вор, и, вспомнив об этом, он невольно попятился.

Ему еще ни разу не приходилось соприкасаться с грязной изнанкой жизни. Избранные авторы его библиотеки все наперебой прославляли честность и прямоту и воспитывали

⁵ Гафель-гардель – снасть, поддерживающая тот конец гафеля, который ближе к мачте. (Гафель – дерево, к которому прищуривают парус.)

в нем отвращение к преступности. Он отвернулся от Фриско-Киды и отошел в сторону. Но Фриско-Кид не мог заметить эту внезапную перемену его настроения – он был слишком занят своим делом.

Однако Джо удивлялся самому себе. Мысль о том, что Фриско-Кид – вор, тяготила его, но сам Фриско-Кид не внушал ему ни малейшего отвращения. Наоборот, его что-то тянуло к этому парню. Он не мог разобраться в своих чувствах. Если бы он был немного постарше, то, наверное, понял бы, что его привлекают прекрасные черты характера молодого человека – его хладнокровие, самостоятельность, мужество, отвага и вместе с тем известная мягкость и благодушие. Но он этого не понимал и винил самого себя, что не в состоянии преодолеть свою симпатию к Фриско-Киду; стыдясь своей слабости, он все более и более поддавался горячему чувству дружеского расположения к этому своеобразному юному пирату.

– Подтяните-ка ялик фута на два-три, – крикнул Фриско-Кид, который успевал следить за всем.

Ялик тащился за шлюпом на слишком длинной привязи, и ему приходилось плохо. Он то отставал, натягивая бечеву, то кидался вперед, ослабляя ее, то метался из стороны в сторону, рискуя ежеминутно зарыться носом в высокие пенные гребни расходящихся волн. Джо перелез через барьер кокпита на скользкую корму и потянулся к битенгу, к которому был привязан ялик.

– Держись! – крикнул Кид.

В это время пронесся шквал.

– Отпустите канат, оставьте один оборот на битенге и подтягивайте!

Для новичка работа была не из легких. Джо спустил канат до последнего оборота и, ухватив одной рукой свободный конец, стал подтягивать другой рукой. Но в эту минуту ялик отбросило гребнем волны в сторону, бечеву сильно дернуло, она выскользнула из рук и стала уходить за борт. Джо схватил ее снова, но его самого потянуло вниз по покатою палубе.

– Бросьте! Отпустите! – крикнул Кид.

Джо выпустил конец и правильно сделал, а то бы и сам очутился за бортом. Ялик стал отходить от кормы. Сконфуженный Джо робко оглянулся на своего товарища, ожидая получить от него нахлобучку. Но Фриско-Кид только широко улыбнулся.

– Не беда, – сказал он. – Кости целы и ладно. Лучше расстаться с лодкой, чем с человеком, не так ли? К тому же я и сам виноват, нельзя было поручать новичку это дело. Впрочем, лодка еще от нас не ушла. Ступайте-ка, опустите киль⁶ еще фута на два, а потом вернитесь сюда и делайте то, что я вам скажу. Но только не спешите. Работайте уверенно, не торопясь.

Джо опустил киль и, вернувшись на палубу, стал у кливер-шкота.

– Право на борт! – скомандовал Фриско-Кид. – Раскрепите! Вот так! Теперь сюда, дайте руку, беритесь за грот-шкот! – Рука об руку, вдвоем они подтянули зарифленный парус.

Джо стал приходить в азарт от этой работы. «Ослепительный», как породистый конь, повернулся на киле и стал носом против ветра. Паруса и снасти отчаянно затрепались и забили мелкую дробь.

– Спустите кливер-шкот!

Джо подтянул его книзу; передний парус надулся, и судно повернуло на другой галс. Вместе с тем и койку, на которой лежал пьяный капитан, повернуло с подветренной стороны на наветренную, и он растянулся на полу у дверей каюты в пьяном оцепенении.

Фриско-Кид взглянул на него с отвращением и пробормотал:

– Собака! Хоть ко дну пойдём, и то не очухается!

Два раза им пришлось менять галс, чтобы попасть на прежнее место. Наконец Джо различил в темноте, озаряемой одними звездами, качавшийся на волнах ялик.

⁶ Выдвижной киль устраивается для увеличения устойчивости судна (для уменьшения дрейфа).

– Успеем, – промолвил Фриско-Кид, направляя «Ослепительного» в эту сторону и слегка заворачивая. – Ловите!

Джо свесился за борт, поймал ныряющую бечеву и мигом накиннул ее на битенг. После этого они взяли прежний курс.

Джо чувствовал себя виновником всего этого переполоха и был страшно сконфужен, но Фриско-Кид не замедлил утешить его.

– О, это сущие пустяки, – сказал он. – Со всяким случается. Только другие забывают, как им солоно приходилось вначале, и выходят из себя при малейшем промахе новичка. Раз, помню...

И начал рассказывать про свои неудачи, когда он был малышом и впервые очутился в плавании, и про то, как его строго за все наказывали. Он накиннул свободный конец талрепа⁷ на шейку румпеля, и они оба уселись под стенкой кокпита, тесно прижавшись плечом к плечу.

– Что это за место? – спросил Джо, когда они проносились мимо маяка, мигавшего на скалистом мысу.

– Остров Гот. На нем, по ту сторону, находится морская учебная станция для кадетов и минный склад. Там отлично ловится треска. Мы обойдем этот островок с подветренной стороны и станем на якорю под защитой острова Энджел, где находится карантин. Потом, когда Француз-Пит протрезвится, он нам укажет, куда идти, а теперь вы можете спуститься в каюту и немного вздремнуть. Я управлюсь без вас.

Джо отрицательно покачал головой. Он был слишком возбужден, чтобы спать. Да и как тут заснуть, когда «Ослепительный» ныряет, как чайка, и взбивает своим носом целые облака брызжущей пены. Платье на Джо почти высохло, и он предпочел остаться на палубе и любоваться разворачивающейся перед ним картиной.

Огни Окленда исчезли из виду, оставив лишь бледный отблеск на фоне неба, а с южной стороны показались огни Сан-Франциско, то взбирающиеся по холмам, то сбегаящие в долины и растянувшиеся на много миль бесконечной вереницей.

Различив огромные здания пристани и телеграфную вышку, Джо мог уже легко ориентироваться в панораме города. Где-то там, среди этого лабиринта света и теней, затерялся отцовский дом, в котором, быть может, и сейчас вздыхают о нем и тревожатся; и там же сладко поживает его сестричка Бесси, которая, сойдя утром к чаю, удивится, что его нет. Джо вздохнул. Забрестило утро. Потом голова его потихоньку свесилась на плечо Фриско-Киды, и он заснул крепким сном.

⁷ Талреп – трос, с помощью которого тянутся ванты и некоторые другие части стоячего такелажа.

Глава XI

Капитан и его команда

– Ну, вставайте! Пора становиться на якорь.

Джо вскочил на ноги, дико озираясь по сторонам; сон отшиб ему память, и он не сразу вернулся к действительности. Ветер к утру затих. Позади море еще бурлило, но «Ослепительный» тихо шел под защитой скалистого острова. Небо было ясно, и воздух дышал крепительной свежестью раннего утра.

Легкая рябь весело искрилась под лучами восходящего солнца. С южной стороны виднелся остров Алькатрас, с высот которого, увенчанных орудиями, доносились звонкие перебивы трубы, игравшей утреннюю зорю. На западе сияли Золотые Ворота, соединяющие Тихий океан с бухтой Сан-Франциско. Туда вместе с приливом на всех парусах торжественно входил какой-то корабль.

Картина была поразительная.

Джо залюбовался ею, пока Фриско-Кид не послал его на нос готовиться к отдаче якоря.

– Разверните цепь, – приказал ему Фриско-Кид, – а потом ждите на месте.

Он осторожно задерживал ход судна, поворачивая его к ветру.

– Отпустите кливер-шкот и беритесь за нирал⁸.

Джо уже освоился с этим маневром за ночь и теперь справился с ним превосходно.

– Ну! Отдай якорь! Осторожнее! Живо! Ну!

Цепь побежала с поразительной быстротой, и «Ослепительный» остановился. Фриско-Кид вернулся к товарищу, и они вместе спустили большой парус, сложили его как должно, скрепили сезнями и уложили на корме.

– Вот вам ведро, – сказал Фриско-Кид. – Вымойте палубу. Да почище. Вот щетка. Не брезгуйте этим делом. Добейтесь, чтобы все заблестело. Когда кончите, вычерпайте воду из ялика. За эту ночь у него разошлись немного пазы. А я пойду готовить завтрак.

Скоро струйки воды весело зажурчали по палубе, а из каюты потянуло приятным дымком, предвещавшим вкусные блюда. То и дело Джо отрывался от своей работы и поднимал голову, чтобы полюбоваться расстилавшейся перед ним чудесной картиной. Она пленила бы и всякого другого на его месте. Поэтический восторг охватил его душу, и он чувствовал бы себя совершенно счастливым, если бы не мысль о том, что за люди его товарищи. Эта последняя досадная мысль и противное зрелище валявшегося на полу пьяницы-капитана отравляли чарующую прелесть раннего утра. Его оскорбляла грубая действительность, но он не чувствовал себя подавленным ею, – наоборот, она закаляла его сильный характер. В нем крепло стремление быть чистым и строгим к самому себе, чтобы не уронить себя в своих собственных глазах. Он оглянулся кругом и вздохнул. Почему это люди не остаются честными и правдивыми? Ему жаль было расставаться с этой привлекательной новой жизнью, но ночные похождения сильно подействовали на него и, чтобы не изменить себе самому, надо было бежать во что бы то ни стало.

Тут Фриско-Кид позвал его к завтраку. Кид оказался таким же прекрасным поваром, как и опытным моряком, и Джо поспешил воздать должное вкусным блюдам, состоявшим из маисовой каши, бифштекса, жареного картофеля и сгущенного молока. За этим следовали кофе и отличный французский хлеб со сливочным маслом.

Они угощались вдвоем – Француза-Пита невозможно было добудиться. Он что-то мычал, не открывая глаз, а затем снова начинал храпеть.

⁸ Нирал – снасть, с помощью которой опускаются косые паруса.

– Он пьет запоем, – пояснил Фриско-Кид, когда Джо, убрав посуду, вышел на палубу. – Иной раз продержится с месяц, а то не выдержит и недели. В пьяном виде он то разнежится, то начнет бушевать; лучше всего в это время оставлять его в покое и не попадаться под руку. Не перечьте ему ни в чем, а то, пожалуй, еще наживете беду. – Давайте купаться, – прибавил он, переводя разговор на более интересную тему. – Плавать умеете?

Джо кивнул головой.

– Что это такое? – спросил он, готовясь прыгнуть в воду и указывая на огороженное местечко на островке, где были разбросаны какие-то домики и палатки.

– Карантин. На китайских пароходах прибывает множество больных оспой. Всех больных тут задерживают до тех пор, пока доктора не признают их безопасными для окружающих. С этим там такие строгости, что беда. Дело в т... т... т... – Б-бух! Если б Фриско-Кид не оборвал начатой фразы, кинувшись в воду со всего размаху, то это избавило бы Джо от больших неприятностей.

Но он, к сожалению, оборвал на полуслове, и Джо нырнул вслед за ним.

– А знаете что, – заговорил Фриско-Кид спустя полчаса, уцепившись за ватер-штаг⁹ и собираясь вылезать из воды. – Давайте наловим рыбы к обеду. А потом завалимся спать и отдохнем как следует. Что вы на это скажете?

Они стали карабкаться на палубу и устроили состязание: кто скорей. Джо сорвался и опять полетел в воду. Когда он, наконец, выбрался, то увидел в руках своего приятеля две лесы с большими крючками и тяжелыми грузилами и коробку соленых сардин.

– Это приманка, – сказал Фриско-Кид. – Надо насаживать на крюк целую штуку. Здесь рыба неразборчивая, она глотает и приманку, и крючок, и лесу. Кто первый поймает рыбу, тот освобождается от чистки. Весь улов вычистит проигравший.

Обе нагрузки стали быстро опускаться и вымотали по семьдесят футов лесы каждая, пока не достали дна. Как только свинчатка коснулась дна, Джо почувствовал, что клюнуло. Потянув лесу, он взглянул на товарища и увидел, что тот, очевидно, тоже поймал здоровенную рыбу.

Завязалось энергичное состязание. Молодые люди вошли в азарт: мокрая леса вилась по палубе кольцами. Но Фриско-Кид оказался много ловчей, и его рыба первой полетела в кокпит. Джо вытянул трехфунтовую треску, но чуть-чуть позже Кида. Тем не менее он был в восторге. Этакую великолепную штуку удалось выудить собственными руками! Он таких еще и не видывал. Обе снасти опять полетели за борт, и скоро мальчишки снова вытащили двух больших рыб. Знатный улов! Джо до того разошелся, что, казалось, готов был опустошить весь залив, но Фриско-Кид забастовал.

– Довольно, нам хватит рыбы обеда на три, – заявил он, – к чему изводить ее даром? Притом – чем больше наловите, тем больше вам будет чистки. Возьмитесь-ка за нее вплотную, а я пойду спать.

⁹ Ватер-штаг – штаг (снасть), которым поддерживается бушприт снизу.

Глава XII

Джо делает попытку сбежать от француза

Джо в сущности был доволен, что проиграл пари и что ему пришлось заняться чисткой рыбы: это помогало ему привести в исполнение некоторый план, пришедший в голову во время купания. Он бросил последнюю вычищенную им рыбу в лохань и оглянулся кругом. Карантин находился от них на расстоянии полумили, и видно было, как на берегу взад и вперед шагает часовой. Войдя в каюту, он прислушался к дыханию спящих. Они оба тяжело сопели. Чтобы дотянуться до своего походного узелка, ему пришлось бы близко подойти к ним, и он решил от него отказаться. Вернувшись наверх, он осторожно подвел ялик к борту, захватил пару весел, спустился в лодку и потихоньку отчалил.

Сначала он греб очень робко, чтобы не шуметь. Но потом, по мере того как увеличивалось расстояние между ним и «Ослепительным», он размахивал веслами все шире и шире. На полдороге он оглянулся. Теперь его уже не догнать, так как он видел, что если спохватятся, то «Ослепительный» все равно не успеет отрезать его от берега, где он очутится под защитой солдата в мундире армии Соединенных Штатов.

В эту минуту со стороны карантина раздался выстрел, но Джо сидел спиной к берегу и не потрудился даже обернуться. За первым выстрелом грянул второй, и шальная пуля шлепнулась в воду около его весла. На этот раз он обернулся. Часовой наводил дуло прямо на него, Джо, и готовился выстрелить в третий раз.

Джо опешил. До берега оставалось совсем недалеко, но там стоит этот представитель армии Соединенных Штатов и по какой-то непостижимой причине упорно палит в него. Завидев направленное на него дуло, Джо поспешно затормозил лодку, а часовой опустил винтовку.

– Мне надо причалить! По военному делу! – закричал ему Джо. Человек в мундире покачал головой.

– Очень важно, говорю вам. Можно?

При этом он бросил беглый взгляд в сторону «Ослепительного». Пальба, очевидно, разбудила и Француза-Пита, так как парус был поднят и шлюп снялся с якоря.

– Нельзя! – скомандовал сторож. – Тут оспа!

– Но как же мне быть? – отчаянно завопил Джо, подавляя подступившее к горлу рыдание и поднимая весла.

– Стой! – коротко отвечал часовой, вскидывая винтовку на прицел.

Джо быстро взвесил создавшееся положение. Островок довольно просторный. Пожалуй, дальше на нем нет часовых. Лишь бы только где-нибудь высадиться, а там пускай арестуют, пускай заразится оспой, – все лучше, чем оставаться с пиратами.

Он повернул под прямым углом и навалился на весла. Дуга прибрежной полосы была довольно растянута, и до ближайшего пункта, где он мог бы причалить, было довольно далеко. Будь он моряком, он направился бы как раз в противоположную сторону, чтобы поставить погоню против ветра. Теперь же «Ослепительный» легко мог его обогнать.

Но положение еще не определилось. Слабый ветерок то набегал, то стихал, и в зависимости от этого шлюп то нагонял лодку, то отставал от нее. Вдруг ветер засвежел, и парусник подобрался к своей жертве ярдов на сто, но потом опять наступило затишье, и парус «Ослепительного» лениво заболтался из стороны в сторону.

– А, поганец, ты наш ялик затеял украсть! – заорал Француз-Пит, хватаясь за ружье. – Сдавайся живо! Или я тебя застрелю, как собаку! – Он отлично сознавал, что не посмеет стрелять на виду у часового, хотя бы и через голову мальчика.

Но Джо не могло прийти в голову, что это пустая угроза, ибо он, ни разу в жизни не нюхавший порошу, за короткое время уже два раза попадал под огонь. Была не была, подумал он, и приналег еще сильнее на весла, меж тем как Француз-Пит метался в бессильной ярости, угрожая беглецу всевозможными пытками, лишь только его поймают. А тут еще на беду Фриско-Кид взбунтовался.

– Ладно, стреляйте, а я посмотрю, как вас за это вздернут на виселицу, – вступился он грозно. – Вы бы лучше отпустили его. Он славный малый и честный, и эта наша с вами грязная жизнь не по нем.

– Э! Да и ты, я вижу, заодно с ним, подлая крыса! – прохрипел капитан, окончательно выходя из себя. – Мне недолго и тебя пригвоздить.

С этими словами он ринулся на юношу, но Фриско-Кид пустился удирать от него, перебегая от кокпита к бушприту и от бушприта к кокпиту. Тут ветер рванул парус, и Француз-Пит оставил одного молодца ради другого. Подскочив к румпелю и отпустив парус (так как ветер оказался попутный), он направил судно прямо на Джо. Последний сделал было еще одно отчаянное усилие, но, убедившись, что ему не уйти, сложил весла и сдался. Француз-Пит обогнул остановившуюся лодку и выхватил из нее Джо.

– Отмалчивайтесь! – шепнул Фриско-Кид ему на ухо, в то время как разъяренный Француз привязывал ялик. – Не отвечайте ему ничего. Пусть говорит, что хочет. Всего лучше не обращать внимания.

Но англосаксонская кровь вскипела в Джо, и он не вытерпел.

– Слушайте, мистер Француз-Пит, или как вас там еще называют, – начал он, – поймите хорошенько, что я намерен от вас уйти и уйду. Так лучше всего потрудитесь меня высадить на берегу сами. Если же вы этого не сделаете, то я засажу вас в тюрьму. Это верно, как то, что меня зовут Джо Бронсон.

Фриско-Кид испугался за Джо. Капитан онемел. Каково! Этот мальчишка, этот щенок позволяет себе оскорблять его на борту его собственного судна. Неслыханная дерзость! Он знал, что не вправе по закону удерживать у себя людей против воли, но в то же время не решался и отпустить его: как бы не выдал. Утверждая, что он может засадить капитана в тюрьму, мальчик высказал неприятную истину. Оставалось прибегнуть к нахальству.

– Эге, так вот оно что! – Его пронзительный голос неистово зазвенел. – Тогда ты и сам попадешься! Ты греб вчера ночью на лодке? Отвечай. Ты воровал железо – да? Ты убегал от погони – да? И после всего этого ты еще мне угрожаешь тюрьмой? Каков мальчик, а?

– Но ведь я же не знал, – возразил Джо.

– Ха, ха! Забавно! Расскажи-ка это судье, доставь ему такое удовольствие – он засмеется тебе в лицо.

– Я утверждаю, что я не знал, – повторил Джо с достоинством. – Мне в голову не приходило, что я затесался в воровскую компанию.

Фриско-Кид вздрогнул, услышав этот эпитет, и если бы Джо в это время взглянул на него, то увидел бы на его лице выступившую пятнами яркую краску.

– А теперь, когда я это узнал, – продолжал Джо, – я настаиваю, чтобы меня высадили на берег. Я не сведущ в законах, не умею различать, что правильно, а что нет, и я охотно пойду на риск и готов предстать перед любым судьей Соединенных Штатов. И у меня перед вами, во всяком случае, есть некоторое преимущество, мистер Пит.

– Преимущество, – какое? Ты сам подлый воришка...

– Нет, вы не смеете меня так называть! – Джо задрожал, но не от страха, и лицо его побледнело.

– Воришка, – повторил Пит.

– Вы лжете!

Джо предвидел, какой взрыв произведут эти два словечка, и потому не особенно удивился, что из глаз его вдруг посыпались искры и голова загудела, как котел, когда он спустя минуту поднимался с пола кокпита, цепляясь за дверцы.

– Ну-ка, повтори еще раз, что ты сказал! – прорычал Француз-Пит, снова замахиваясь кулаком.

От сознания своего бессилия слезы подступили к глазам Джо, но он не потерял самообладания и гордо ответил:

– Вы лжете, я не вор. Вы можете меня убить, если хотите, но я все-таки повторю, что вы лжете.

– Руки прочь! – Фриско-Кид бросился на капитана, как кошка, и отпихнул его в сторону, спасая приятеля от второго удара. – Отвяжитесь от него, говорят вам! – продолжал он, взяв тяжелый железный румпель и становясь между ними. – Пора с этим покончить. Что вы, одурели, что ли, не видите, на кого напали? Он говорит сущую правду и твердо будет стоять на своем. Вы его можете укокошить, но ничего от него не добьетесь. Руку, приятель!

Он обернулся в сторону Джо, и они обменялись дружеским рукопожатием.

– Вы парень горячий и, как видно, не робкий.

Француз-Пит скривил рот, изобразив на лице что-то вроде улыбки; затем пожал плечами и скосил глаза.

– А! Вот что! Больно щекотлив, недотрога? Не желает, чтобы я называл его ласкательным именем. Ха, ха! Моряки любят пошутить... Ну да ладно, давайте мириться. По рукам, что ли, а?

Он тоже протянул было руку Джо, но не дождался ответного жеста.

Фриско-Кид выразил одобрение кивком головы, а Француз-Пит пошел в каюту, пожимая плечами и криво улыбаясь.

– Наденьте парус и забирайтесь к Хантерс-Пойнту, – крикнул он снизу. – А я нынче буду за повара и состряпаю вам такой обед, что оближете пальчики. Француз-Пит – знаменитый повар!

– Он таковский – любит втирать очки и всегда берет сам за стряпню, когда хочет задобрить, – сказал Фриско-Кид, надевая румпель на головку руля и выполняя данное ему приказание. – Но верить ему нельзя!

Джо ответил молчаливым кивком. Ему было не до разговоров. Он весь дрожал от пережитых волнений и проверял самого себя, так ли он вел себя, как подобает, но совесть его оставалась спокойной.

Глава XIII

Подружились

С Тихого океана подул свежий полуденный ветерок. Остров Энджель скоро скрылся из виду, и навстречу бороздившему волны «Ослепительному» плыла береговая линия Сан-Франциско. Скоро они очутились в самом центре рейда, проходя мимо кораблей, собравшихся здесь со всех концов света. Потом они пересекли фарватер, по которому сновали в обе стороны пассажирские пароходы, совершающие рейсы между Оклендом и Сан-Франциско. Один из этих пароходов прошел очень близко от них, и пассажиры его столпились у борта, чтобы полюбоваться стройным маленьким шлюпом с двумя мальчиками на кокпите. Джо позавидовал этим людям. Все они едут к себе домой, а он – он сам не знает, куда его несет по воле какого-то Француза-Пита. Он чуть было не решился позвать на помощь – нет, это было бы безрассудно. Он отвернулся и задумался, поглядывая на окутанный дымкой город, о странных особенностях жизни на море.

Фриско-Кид незаметно следил за ним и за его мыслями, которые видел насквозь.

– Там ваши родные живут? – спросил он внезапно, указывая рукой на город.

Джо вздрогнул, удивившись догадке товарища.

– Да, – ответил он.

– Расскажите что-нибудь о них.

Джо сначала был довольно краток, но товарищу этого показалось мало, и пришлось продолжить поподробнее. Фриско-Кид интересовался всякими мелочами, но особенно тем, что касалось миссис Бронсон и Бесси. Больше всего он расспрашивал о Бесси. Он засыпал Джо вопросами о его сестре.

Некоторые из этих вопросов показались Джо такими наивными и неожиданными, что он не мог удержаться от улыбки.

– Ну а теперь и вы расскажите мне о своих, – сказал Джо, воспользовавшись наступившей паузой.

Фриско-Кид как-то сразу приутих и нахмурился. Лицо его сделалось строгим. Он сидел молча и лениво болтал ногами, устремив взгляд на верхушку мачты, как бы давая знать, что об этом не стоило спрашивать.

– Ну, что же? – поощрял его Джо.

– У меня нет родных, нет дома. – Он с трудом выдал из себя эти слова и стиснул зубы.

Джо почувствовал, что нечаянно задел больное место и попробовал загладить неловкость.

– Ну, расскажите тогда про ваш прежний дом.

Он не подозревал, что на свете есть мальчики, у которых никогда не было родного очага, и бессознательно еще больше бередил рану товарища.

– У меня никогда не было дома.

– О! – Джо был до того поражен, что перестал церемониться.

– А сестры у вас есть?

– Нет!

– А мать?

– Я был так мал, когда она умерла, что не могу ее вспомнить.

– А отец?

– Я почти не видел его. Он ушел как-то в плавание и пропал без вести.

– О-о! – Джо не знал, что сказать. Наступила тягостная тишина, прерываемая журчанием воды у форштевня¹⁰. К счастью, как раз в это время Пит вышел на смену, стал у руля и послал их обедать.

Мальчики почувствовали облегчение, а за обедом уже болтали совершенно непринужденно. После обеда Фриско-Кид опять сменил Пита, и капитан уселся за стол. Джо вымыл посуду и убрал каюту. Потом они все трое сошлись у кормы, и капитан, очевидно, желая восстановить добросердечные отношения, разговорился и очень занимательно стал рассказывать про жизнь ловцов жемчуга в Южных морях.

За этими разговорами день прошел незаметно. Они уже давно отделились от города, обогнули Хантерс-Пойнт и теперь быстро подвигались вперед вдоль берега Сан-Матео.

На берегу Джо заметил компанию велосипедистов, огибавших утес Сан-Бруно-Роод, и живо представил себе, как он сам недавно катался на велосипеде по той же дороге. Это было месяца два назад – не больше, но ему показалось, что это происходило когда-то давным-давно: так много с тех пор было пережито.

Вечером после ужина они подходили уже к болотам, за которыми раскинулся Редвуд-Сити. Ветер спал с закатом солнца, и «Ослепительный» двигался довольно тихо. Вдали показался другой шлюп: он шел прямо на них, подгоняемый замиравшим попутным ветерком.

Фриско-Кид сразу объявил, что это «Северный Олень». Француз Пит сощурил глаза и тотчас согласился. Он, видимо, чрезвычайно обрадовался этой встрече.

– Им командует Красный Нельсон, – сообщил Фриско-Кид своему приятелю. – Ужасный человек, доложу вам. Я всегда побаиваюсь его при каждой встрече. Они там, наверное, задумали какое-нибудь крупное дело. В таких случаях они всегда приглашают Француза-Пита, он большой мастер на всякие штуки.

Джо с любопытством стал смотреть на приближавшееся судно. Оно было немножко больше «Ослепительного», но одинаковой конструкции, то есть с главным расчетом на скорость хода. Огромный парус напоминал гоночную яхту, на нем пестрели копны для трех рифов на случай сильного ветра. В оснастке, в рангоуте, на палубе все было пригнано к месту – нигде ничего лишнего.

Как бегучий, так и стоячий такелаж находился в образцовом порядке. На всем лежала печать законченности и щегольства, наложенная рукой истового моряка.

«Северный Олень» приближался медленно в сгущавшихся сумерках и стал на якорь неподалеку от них.

Француз Пит, последовав примеру Нельсона, бросил якорь и немедленно отправился к нему на ялике.

Мальчики в ожидании его возвращения растянулись на крыше каюты.

– Вам такая жизнь по душе? – нарушил молчание Джо.

Приятель повернулся к нему на локте.

– Да, но не совсем. Свежий, соленый воздух, вода, свобода и все прочее – это хорошо: но мне не нравятся... – он замялся немного, – но мне противно воровать.

– Так почему бы вам не бросить это?

Джо боялся признаться самому себе, до чего полюбился ему этот мальчик, и почувствовал непреодолимое желание вывести его на прямую дорогу.

– Я и брошу все это, как только найду другое занятие.

– А почему не сейчас? – спросил Джо.

«Теперь самое время, – подумал Джо про себя. – И если он действительно хочет уйти, то как жаль, что не решается порвать сразу».

¹⁰ Форштевень – дерево, составляющее переднюю оконечность судна.

– А куда я пойду? Что я буду делать? На белом свете нет никого, кто бы подал мне руку. Я уже однажды пробовал и получил хороший урок! Поневоле призадумался, прежде чем опять сунешься пытаться счастье очертя голову.

– А я, как только выберусь отсюда, пойду прямо домой. Пожалуй, выходит, что отец был прав. И почему бы нам не отправиться вместе?

Последние слова он сказал, не подумав, они вырвались у него бессознательно, и Фриско-Кид отлично понял это.

– Вы сами не знаете, что говорите, – ответил он. – Ведь надо же придумать такую чепуху! Чтобы я пошел с вами! Ну, а что скажет на это ваш батюшка, все прочие? На что я ему сдался? Куда он меня определит?

У Джо сердце болезненно сжалось. Он испугался, что под влиянием минутного настроения сделал предложение, быть может, и в самом деле слишком рискованное. Трезво взглянув на дело, он попробовал представить себе мистера Бронсона, отечески принимающего в свой дом какого-то проходимца без роду, без племени, вроде Фриско-Кида...

Нет, об этом, конечно, и думать нечего!.. И, забыв про свои собственные невзгоды, он принялся усердно ломать голову, стараясь изыскать какой-нибудь другой способ, чтобы избавиться Фриско-Кида от этой постылой жизни.

– Он, пожалуй, отправит меня в полицию, – продолжал развивать свою мысль Фриско-Кид, – и посадит в тюрьму. А я лучше схожну, чем буду сидеть за решеткой. А потом я вам должен признаться, Джо, что я слеплен из другого теста, нежели вы, и вы это отлично понимаете. Я бы почувствовал себя вроде рыбы на сухом берегу. Нет, придется подождать маленько, прежде чем уходить отсюда. Ну, а вам, разумеется, остается одно: отправляться прямехонько домой. При первой оказии я вас ссажу, а потом уже как-нибудь полажу с капитаном.

– Ну уж нет, – горячо возразил Джо. – Если я и сбегу, то устрою это таким образом, чтобы вы из-за меня ни в коем случае не пострадали. Выбросьте, пожалуйста, из головы вашу затею. Я-то уйду, об этом нечего беспокоиться, а вот как бы устроить, чтобы и вы ушли со мной вместе? Давайте убежим как-нибудь вдвоем, а там будь что будет... не станем загадывать далеко вперед. Что вы на это скажете?

Фриско-Кид покачал головой и, устремив взгляд на звездное небо, отдался мечтам о хорошей жизни, которая волею судеб для него недоступна. Серьезная сторона жизни яснее, чем когда-либо, представилась умственному взору Джо, и он лежал молча, погружившись в глубокую думу.

Невнятный гул голосов долетал к ним с палубы «Северного Оленя», с берега неслись звуки церковного колокола, а летняя ночь медленно окутывала их своей теплой мглой.

Глава XIV

На устричных отмелях

Хриплый голос Француза-Пита вывел мальчиков из забытья и вернул к трезвой действительности.

– Эй, вы там! Шевелитесь! – заорал он во все горло. – Снимайся! В дорогу! Шо! Сезни! Кид! Кливер! Поворачивайтесь! Живо!

Джо растерялся было в темноте, плохо соображая, где что лежит и как что называется, но все-таки он уже за это время освоился настолько, что догадался сбросить сезни в кокпит. Затем его позвали поднимать большой парус. Втащили якорь, поставили кливер, свернули канаты и привели все в порядок.

– Отлично, отлично, – одобрил Француз-Пит, когда Джо перешагнул через перила кокпита. – Великолепно! Из вас выйдет хороший моряк.

Фриско-Кид поднял крышку с одного из ящиков кокпита и вопросительно взглянул на капитана.

– Ну да, – ответил моряк, – выставляйте огни!

Фриско-Кид зажег в каюте зеленый и красный фонари и понес их вместе с Джо вывешивать на фордуны¹¹.

– Они еще не решаются, – произнес Фриско-Кид полусшепотом.

– На что? – спросил Джо.

– Да на то отчаянное дело, которое затевается и о котором я вам говорил. Дело лихое, и Француз-Пит боится рискнуть. Красный Нельсон старается его подзадорить; сам он смыслит мало и выжидает, пока Пит согласится.

– Куда же мы теперь? – спросил Джо.

– Не знаю, должно быть, за устрицами, на отмели, судя по направлению.

На этот раз путь обошелся без приключений. Ночной ветер – попутный и ровный – держался около часа, а потом стих. Француз-Пит стоял у руля, а Джо и Фриско-Кид то подтягивали, то опускали шкоты. Джо никак не мог попятать, как это капитан угадывает направление. Ему казалось, что они должны неминуемо заблудиться в окутывающей их непроглядной тьме.

Густой туман надвинулся со стороны океана и хотя клубился поверху, не спускаясь на поверхность воды, но закрывал от них звезды, лишая их последнего слабого света.

Однако Француз-Пит инстинктивно угадывал направление и на вопрос удивленного Джо похвастался, что берет «верхним чутьем».

– Я чую течение, ветер и скорость, – добавил он. – Я даже чувствую, когда близко земля. Честное слово! Как это выходит, не знаю сам. Знаю только, что чувствую землю, как будто рука моя тянется, тянется и, вытянувшись на несколько миль, достает до земли, и я дотрагиваюсь до нее и узнаю, что она лежит там.

Джо недоверчиво посмотрел на Фриско-Кида.

– Истинная правда, – подтвердил тот. – Как поживешь на море долгонько, так научишься узнавать чутьем. А у кого обоняние острое, тот и по запаху узнает землю.

Прошло около часа, и Джо догадался по лицу и движениям капитана, что они приближаются к цели своего путешествия. Француз-Пит держался начеку и упорно вглядывался в темноту, как будто выжидая чего-то с минуты на минуту.

Как ни приглядывался Джо, он ничего не мог различить в черной мгле.

– Пощупайте дно шестом, Кид, – приказал Француз-Пит. – Я думаю, что пора.

¹¹ Фордуны – снасти стоячего такелажа, держат стеньги и брам-стеньги сзади.

Фриско-Кид отвязал от крыши каюты длинный тонкий шест и, став на узенькой палубе у борта, погрузил один конец шеста в воду.

– Футов пятнадцать, – сказал он.

– А что на дне?

– Тина.

– Обождите немного и позондируйте опять.

Минут через пять шест был опущен снова.

– Десять футов, на дне ракушки!

Француз-Пит потер руки с довольным видом.

– Отлично, отлично, – приговаривал он. – Я всегда попадаю на место. Старика не проведешь!

Фриско-Кид продолжал работать шестом и докладывать результаты разведки, а Джо все не мог надивиться глубине их познаний по части морского дна.

– Девять футов – раковины, – монотонно докладывал Кид. – Одиннадцать – раковины. Четырнадцать – мягко. Шестнадцать – тина. Нет дна.

– Ага, канал, – заметил Француз при последнем известии.

Несколько минут «не было дна», а затем вдруг раздался возглас Фриско-Киды:

– Восемь футов – твердо!

– Стоп! – скомандовал Француз-Пит. – Ступайте на нос, Шо, и отпустите кливер, а вы, Кид, приготовьте к отдаче якорь.

Джо нашел кливер-фал, отпустил его и, перехватывая обеими руками, стянул вниз.

– Бросай! – раздалась команда, и якорь пошел ко дну, которое оказалось на очень незначительной глубине.

Фриско-Кид вытянул обратно лишнюю цепь и закрепил ее. Потом убрали паруса, навели порядок, спустились вниз и завалились спать.

Было шесть часов утра, когда Джо проснулся и вышел в кокпит взглянуть на погоду. Дул сильный ветер. «Ослепительного» швыряло во все стороны и неистово дергало на цепи. Чтобы устоять на ногах, Джо ухватился обеими руками за гик¹², который был у него над головой. День выдался пасмурный, небо заволкло тяжелыми свинцовыми тучами, проносившимися нескончаемой чередой.

Джо искал глазами землю. Она лежала милях в полутора от него. Это была длинная низкая песчаная полоса, о которую разбивался прибой. За ней тянулись унылые болота, а вдали виднелись холмы Контра-Коста.

Взглянув в другую сторону, Джо весьма удивился, заметив на расстоянии какой-нибудь сотни ярдов небольшой шлюп, нырявший на якорь. Он стоял у них с наветренной стороны. На корме его Джо разобрал надпись «Летучий Голландец». Это было одно из тех самых суденышек, которыми любовался Джо около городской верфи Окленда. Немного левее от него колебалось на волнах «Привидение», а дальше еще с полдюжины парусников.

– Ну что, моя правда?

Джо оглянулся.

Француз-Пит вылез из каюты и торжествовал, наблюдая раскрывшуюся перед ним панораму.

– То-то и оно-то! Говорил я вам – что? Нет, старый не промахнется. Я вижу ночью, как кошка. О! Я свое дело знаю.

– А что, как погода? Разыграется буря или нет? – спросил Фриско-Кид, выглянув из каюты, где он разводил огонь.

Француз-Пит минуты две всматривался испытующим взором в небо и в море.

¹² Гик – горизонтальное пангоутовое дерево, упирающееся одним концом в мачту и вращающееся около нее.

– Может, разыграется, а может, и нет, – нерешительно заявил он. – Готовьте завтрак, да поживее, а там попробуем закинуть сеть.

Повсюду над каютами показались дымки, свидетельствующие о приготовлении первого завтрака. На «Ослепительном» с завтраком покончили скоро и тотчас же поставили парус на один только риф и приготовились сняться с якоря.

Любопытство Джо было сильно задето. Очевидно, они находятся среди устричных отмелей. Но как же они ухитряются ловить на дне устриц, да еще в такую погоду? Впрочем, он вскоре понял. Откинув половицу кокпита, капитан вытащил две треугольные стальные рамы. Он привязал крепкую веревку к кольцу, специально для этой цели вделанному в вершину каждого треугольника. Прилежащие к этой вершине стороны треугольника – прутья в дюйм толщиной и до четырех футов длиной – расходились под прямым углом. На концах эти прутья были связаны основанием треугольника, к которому была приделана драга. Последняя состояла из полосы стали в ярд длиною, усаженной рядом длинных и острых стальных зубьев. Ко всем трем сторонам этой металлической рамы была приложена в виде большого мешка крепкая рыболовная сеть, назначение которой, как легко догадался Джо, состояло в том, чтобы забирать со дна срезанных драгой устриц.

Связанные веревкой, обе драги были закинуты – одна по правую, другая по левую сторону судна. Опустившись на самое дно и растянув до конца привязь, они заметно стали задерживать ход судна. Джо прикоснулся к вытянувшейся струной веревке и по ней ясно чувствовал толчки и царапанье драги о дно.

– Вытаскивай! – скомандовал Француз-Пит.

Мальчики ухватились за веревку и вытащили драгу. Сеть была переполнена илом, тиной и мелкими устрицами, среди которых кое-где мелькали и крупные.

Содержимое вывалили на палубу, а пустую драгу опять закинули в воду. Крупные раковины отобрали и сложили в кокпит, остальные вышвырнули обратно. Отдыхать было некогда, предстояло опорожнить и другую сеть, а, отсортировав добычу, надо было вытащить обе драги, чтобы дать возможность Французу-Питу повернуть «Ослепительного» на другой галс. Вся флотилия занималась тем же делом. Некоторые парусники подходили к ним очень близко, и пираты обменивались приветствиями и перебрасывались отрывистыми словами и шуточками. Но работа была не из легких; не прошло и часа, как Джо начал выбиваться из сил от непривычного напряжения. У него ломило спину, руки были порезаны до крови от неосторожного обращения с острыми раковинами.

– Отлично, отлично, – подбадривал его Француз-Пит. – У вас дело идет на лад, и вы скоро и этому научитесь.

Джо состроил кислую улыбку: сейчас он думал только об отдыхе и обеде. Порой вытаскивались мало наполненные драги, и мальчики могли передохнуть немного и обменяться словечком.

– Вот это – Спаржевый Остров, – заметил Фриско-Кид, указывая на берег. – По крайней мере, так называют его рыбаки и моряки каботажного плавания. А местные жители называют его островом Бэй-Фао. – Он показал немного правее. – А повыше – Сан-Леандро. Отсюда не видно, но он в той стороне.

– Вы там были? – спросил Джо.

Фриско-Кид мотнул головой и позвал его вытащить драгу.

– Эти отмели никому не принадлежат, – продолжал он, – их называют заброшенными отмелями, и пираты появляются здесь, притворяясь, что занимаются ловлей.

– Почему вы говорите, что они притворяются?

– Да потому что они пираты и потому что им гораздо выгоднее ловить устриц на частных отмелях. – Он повел рукою на восток и юго-восток. – Частные отмели в той стороне, и если сегодня не будет шторма, то вся флотилия двинется туда ночью.

– А если разыграется буря?

– Что ж, тогда от набега придется отказаться, а Француз-Пит будет бесноваться, вот и все. Он терпеть не может, когда погода нарушает его планы. Но ветер не унимается, а хуже ничего не может быть, как если буря застигнет у юго-восточных берегов. Пит, пожалуй, заупрямится, а лучше было бы нам убраться подобиру-поздорову, не дожидаясь шторма.

Сначала погода как будто улучшилась. Резкий юго-западный ветер заметно приутих, и около полудня, когда они стали на якорь, солнце выглянуло из-за туч.

– Все это так, – приговаривал Фриско-Кид пророческим тоном, – но я не даром поплавал в заливе. Буря только готовится к натиску и неожиданно разразится вовсю.

– Я полагаю, что вы совершенно правы, Кид, – согласился Француз-Пит, – но «Ослепительный» выдержит. Прошлый раз он отступил, а ночь выдалась чудесная. Так пусть же на этот раз он отличится. Идет дело, а?

Глава XV

Хорошие моряки на скверной стоянке

В течение всего остального дня «Ослепительный» отчаянно плясал на якоре, но к вечеру волнение несколько затихло. Поэтому все собравшиеся на отмель пираты, следуя примеру Француза-Пита, решили попробовать отстояться, пустив в ход запасные якоря.

Француз-Пит заставил обоих мальчиков сесть в ялик, и они, ежеминутно рискуя опрокинуться, завезли и бросили второй якорь под прямым углом к первому. После этого Пит стал выправлять якорную цепь и канат второго якоря до тех пор, пока «Ослепительного» не отнесло назад футов на сто, где держаться ему было гораздо удобнее.

Джо, укрывшись в кокпите, наблюдал дикую пляску волн. Устричные отмели лежали в открытой бухте, и ветер, гулявший здесь на двенадцатимильном водном просторе, напал на суда так неистово, что казалось вот-вот сорвет мачты. Когда надвинулись сумерки, с наветренной стороны замелькало белое пятнышко, оно приближалось, выросло, и наконец ясно обозначился огромный парус «Северного Оленя».

– Ах будь ты неладен! – выругался Француз-Пит, выбегая из каюты. – Когда-нибудь, о, когда-нибудь он нарвется, верьте моему слову! С ним сделается вот этак: крак и пуф! И нет тебе ни Нельсона, ни «Северного Оленя»! Ах, шут его подери!

Джо вопросительно посмотрел на Фриско-Кида.

– Да, это правда, – произнес Фриско-Кид. – Надо было бы Нельсону взять один риф. Два еще лучше. А он распустил паруса так, как будто бы за ним гонятся дьяволы. Он хватил через край; зачем поступать так опрометчиво, когда в этом нет ни малейшей нужды? Я с ним вместе работал и хорошо знаю его повадки.

«Северный Олень» взмыл на пеннистом гребне, как птица, и летел прямо на них.

– Вы не бойтесь, – сказал Фриско-Кид, – он нас не заденет; он только хочет хвастнуть удалством.

Джо вздрогнул и невольно попятился.

«Северный Олень» взвился на дыбы, носом к небу, оголив вест, форштевень, потом кинулся вниз и, вынырнув из пучины, пронесся стрелой мимо «Ослепительного» на расстоянии менее фута.

У руля стоял Нельсон. Промелькнув мимо них, он весело захохотал и махнул рукой Французу-Питу, возмущенному его выходкой.

Очутившись позади «Ослепительного», великолепное судно повернуло так круто, что казалось, будто оно опрокинулось, но потом оно выпрямилось и понеслось новым курсом как бешеное. Затем стало у них на траверсе¹³. Видно было, как спустили кливер, как якорь полетел за борт и как судно закачалось взад и вперед, а парус хлопал о мачту, и как вслед за первым якорем бухнулся и второй на порядочном расстоянии от первого.

Парус спустили мигом; свернули и убрали его, казалось, прежде, чем якоря успели забрать за дно.

– Бравый моряк, слов нет: моряк, каких мало!

У Француза-Пита глаза засверкали от восхищения. Фриско-Кид тоже любовался им.

– Как на яхте! – проговорил он, спускаясь в каюту. – Положительно, как на яхте, даже еще лучше.

К ночи ветер снова грозно завыл и к одиннадцати часам достиг такой силы, что Фриско-Кид объявил наступление бури.

¹³ Траверс – направление, перпендикулярное курсу судна.

На «Ослепительном» спал только Кид. Француз-Пит ежеминутно выходил на палубу. Раза два он вытравил канат и цепь. Джо лежал, свернувшись клубочком под своим одеялом, и прислушивался к реву бури, тщетно пытаясь заснуть. Не то чтобы он боялся, но как заснуть непривычному человеку при таком адском треске и грохоте и при такой неистовой качке! Трудно даже представить себе, как это может судно безнаказанно выкидывать такие коленца. Порой «Ослепительного» передергивало из стороны в сторону, и он захлебывался. Порой он подскакивал и с оглушительным треском снова падал на волны. При этом казалось, что дно его разлетается вдребезги. Порой так трепало на якоре, что «Ослепительный» визжал, кряхтел и стонал, как будто от боли во всех своих дощатых суставах.

Фриско-Кид, просыпаясь, с улыбкой поглядывал на приятеля.

– Это называется, по-нашему, отстаиваться, – приговаривал он. – А вот погодите, что будет дальше, когда на рассвете двинемся. Да и теперь того и гляди несколько шлюпов выбросят на берег.

И, повернувшись на другой бок, моментально засыпал. Джо позавидовал его безмятежному настроению.

В начале четвертого Француз-Пит завозился на носу судна. Джо выглянул наружу, желая узнать, что он там делает, и при неверном свете бешено раскачивавшегося морского фонаря увидел, что капитан вытащил две запасные бухты каната и привязывает их к якорным канатам, чтобы удлинить их.

В половине пятого Француз-Пит развел огонь, а в пять позвал мальчиков к завтраку. Напившись кофе, они вылезли в кокпит и увидели страшную картину. Серое утро слабо озаряло клокотавшие волны. Спаржевый Остров различить было трудно, но зато ясно слышался грохот прибоя у его берегов. Когда совсем рассвело, они увидели, что за ночь их отнесло на целые полмили.

Остальные суда также были снесены.

«Северный Олень» стоял рядом с ними, «Каприз» находился на сто ярдов позади, а под ветром билось неподалеку от берега еще с пять устричных шлюпов.

– Двух не хватает, – объявил Фриско-Кид, вооружившись биноклем и осматривая побережье.

– А! Один здесь! – воскликнул он и, всмотревшись попристальнее, добавил: – Это шлюп «Поди-Спрашивай». От него скоро ничего не останется, его разобьет в щепы. Надеюсь, команда успела выбраться на берег.

Француз-Пит посмотрел в бинокль, а за ним и Джо. Ясно видно было, как барахтается в бурунах несчастное судно, а на берегу копошились люди, составлявшие его экипаж.

– А где же «Привидение»? – спросил Француз Кида.

Фриско-Кид тщетно искал его глазами у берегов, но, повернувшись с биноклем к морю, отыскал его там при свете надвигавшегося дня. Оно преспокойно покачивалось в полумиле от них с наветренной стороны.

– Бьюсь об заклад, что его оттащило за ночь не более чем на сто футов, – сказал Фриско-Кид. – Должно быть, там очень хорошая якорная стоянка.

– Тина, – авторитетно изрек Француз-Пит. – Оно напало на полосу илистого дна. Но если его отнесет с этой полоски, пиши пропало! Якоря у него слишком легкие и годятся только для илистого дна. Я не раз советовал им завести якоря потяжелей, они же только посмеивались. Но когда-нибудь они попадутся и пожалеют, что не послушались меня, старика, будьте в этом уверены!

Один из шлюпов, стоявших с наветренной стороны, поднял парус и отправился воевать с морем, пытаясь выбраться на простор из этого страшного места. Они следили за ним некоторое время. Он метался, как поплавок, и подвигался вперед чрезвычайно тихо. Француз-Пит оторвал мальчиков от этого зрелища.

– Пора и нам! – крикнул он. – За дело! Два рифа! Надо выбраться отсюда подобру-поздорову!

Только было взялись за работу, как раздался отчаянный крик.

Оглянувшись, они увидели бешено несущееся на них «Привидение».

Француз-Пит прыгнул к носу, как кошка, выхватил из-за пояса нож и одним взмахом перерезал канат запасного якоря. Оставшись на одной цепи, «Ослепительный» отпрянул в сторону, и как раз вовремя, потому что вслед за этим «Привидение» пронеслось кормой вперед по тому самому месту, где только что стоял «Ослепительный».

– Как? Оно сорвалось с четырех якорей! – вскричал Джо, указывая на четыре каната, которые свисали с носа «Привидения» и вытянулись почти горизонтально.

– На двух из них драга, – усмехнулся Фриско-Кид. – А вот дело дошло и до печки.

И действительно, на палубе «Привидения» появились два парня, которые выбросили за борт обмотанную концом каната железную печку.

– Фью!.. Посмотрите на Нельсона. Он взял риф. Верный знак, что пришла настоящая буря.

«Северный Олень» приближался к ним, вздымая целые облака пены, подставляя грудь под удары волн, гордо выдерживая натиск шторма, точно некое великолепное морское животное.

Красный Нельсон махнул им рукой, проходя мимо, а спустя четверть часа, когда они в свою очередь снялись с последнего якоря, он переменял галс и пошел у них с наветренной стороны.

Француз-Пит, любуясь красавцем, зловеще приговаривал:

– В один прекрасный день случится, как я уже вам говорил, вот этак... пуф! – и кончено дело. Поверьте!

Минуту спустя «Ослепительный» поднял кливер и вступил в бой со стихиями. Началась упорная, ожесточенная и опасная борьба. Джо изумлялся, как такое утлое суденышко не поддается бешеному натиску разъяренной стихии.

Но мало-помалу судно отходило от берега и от прибоя на более глубокое место. Отойдя на некоторое расстояние, отпустили немного шкот, и «Ослепительный» побежал искать защиты за скалистой стеной Аламеда-Молес, лежавшего в нескольких милях пути. Там уже комфортабельно расположился «Северный Олень», мирно стоявший на якорю. И туда же вскоре забрались, один за другим, все остальные члены флотилии, кроме «Привидения», которое, очевидно, выбросилось на берег заодно с «Поди-Спрашивай».

К полудню ветер как-то сразу стих и погода стала совсем летней.

– Не надежно что-то, – заметил Фриско-Кид, когда стало смеркаться и Француз-Пит отправился на ялик к Нельсону в гости.

– О чем вы говорите? – спросил его Джо.

– О чем? О погоде. Затишье что-то слишком внезапное. Буря еще не выдохлась, а она не уgomонится до тех пор, пока не выдохнется окончательно. Ждите с минуты на минуту, что она опять вдруг завоет. Она только притаилась, шельма, – вот увидите.

– Куда мы пойдем отсюда? – спросил Джо. – Опять за устрицами?

Фриско-Кид нерешительно качнул головой.

– Не знаю, что выдумает Пит. Ему не повезло с железом, не повезло с устрицами; он теперь до того раздосадован, что способен выкинуть самую отчаянную штуку. Меня несколько не удивит, если он отправится с Нельсоном в Редвуд-Сити, где затевается то крупное и рискованное предприятие, о котором я уже вам говорил.

– И в котором я не намерен участвовать никоим образом, – решительно заявил Джо.

– Разумеется! – согласился Фриско-Кид. – Они будут орудовать вместе с Нельсоном и его людьми. Народу немало. Обойдутся без вас.

Глава XVI

Заветная шкатулка Фриско-Киды

После этого разговора оба мальчика провалялись еще около часа на крыше каюты. Затем Фриско-Кид, ни слова не говоря, сошел вниз и зажег огонек. Джо почувствовал, что он там что-то раскапывает, а немного погодя Фриско-Кид тихонько позвал его. Войдя в каюту, Джо увидел, что его друг сидит в уголке, на коленях держит раскрытую шкатулку, а в руках – бережно сложенную страничку иллюстрированного журнала.

– Похожа она на эту картинку? – спросил Фриско-Кид, разглаживая печатный листок и поднося его к глазам Джо.

Картинка изображала двух девочек и мальчика. Старшая девочка что-то рассказывала и стояла лицом к зрителю, а двое других сидели к нему спиной и как будто внимательно слушали рассказчицу.

– Кто? – спросил Джо, недоуменно переводя взгляд с картинки на Фриско-Киду.

– Ваша... ваша сестра... Бесси?

Слова эти он произнес заикаясь и с какой-то робкой почтительностью и благоговением.

Джо на минуту совершенно опешил. Он не понимал, какая связь между этой картинкой и его сестрой? Да и вообще девочки – это такой пустячный предмет, о котором не стоит и говорить.

«Он как будто краснеет», – подумал Джо, замечая, что лицо Фриско-Киды слегка зарумянилось. Ему стало смешно, и он с трудом удержался от улыбки.

– Нет, нет, не надо! Только не смейтесь! – вскричал Фриско-Кид, вырывая листок из рук Джо и укладывая его обратно в шкатулку дрожащими пальцами. – Я думал... я... полагал, что вы поймете, и... и...

Губы его подергивались, глаза стали влажными, он поспешно отвернулся.

Джо сел с ним рядом и обнял его. Движение это было чисто инстинктивное, безотчетное. Недели раньше положение, в котором он очутился, показалось бы ему невероятно глупым и сентиментальным, но теперь оно казалось ему в высшей степени простым и естественным. Он не понимал почему, но знал наверное, что этот непритворный порыв имел огромное значение для его товарища.

– Расскажите все, и я вас пойму, – настаивал он.

– Нет, нет, вы этого не поймете. Вы не в состоянии это понять.

– Пойму, уверяю вас. Говорите!

Фриско-Кид покачал головой.

– Не сумею. Я чувствую, но словами выразить не умею.

Джо погладил его по плечу, и Фриско-Кид продолжал:

– Ну так вот. Вы видите – я так мало знаю о жизни на суше, о людях и все такое. У меня не было ни братьев, ни сестер, ни товарищей. Я мучился от одиночества, не отдавая еще себе в этом отчета. Мне чего-то вот тут не хватало. – Он указал на грудь. – Приходилось ли вам испытывать голод, острый голод? Такое испытывал я. Только голод какой-то особенный: я и сам не знал, как это понять. Но раз как-то – это было очень давно – мне попался вот этот листок с двумя девочками и мальчиком, которые о чем-то между собой разговаривают. И я подумал: как хорошо было бы вот эдак сидеть с ними вместе, и я стал думать о них, о чем они говорят, что делают; вдруг у меня блеснуло что-то в уме, и я понял, в чем дело. Я понял свое горькое одиночество.

Но больше всего я любовался этой девочкой, которая смотрит оттуда прямо в глаза. Я не переставал о ней думать все время, и она стояла передо мной как живая. Я уверил себя, что

она существует – я сознавал, что это одно только воображение, но часто верил, что она действительно живет. Когда я думал о людях, о труде и тяжелой жизни, картинка так и оставалась картинкой, но когда я думал о ней – то нет... Сам не знаю... Я не могу это объяснить.

Джо припомнил, как он сам неоднократно фантазировал, рисуя в воображении различные приключения на суше и на море, и кивнул в знак того, что вполне понимает. Под конец он стал угадывать душевное состояние рассказчика.

– Все это, конечно, глупости, но подружиться с такой вот девочкой казалось мне высшим счастьем на свете. Все это было давно, я тогда был еще мальчишкой; это было в ту пору, когда Красный Нельсон дал мне прозвище Фриско-Кид. С тех пор это прозвище и осталось за мной. Но я никогда не расставался со своей картинкой и постоянно вынимал ее и рассматривал. И когда случалось, что я вел себя скверно, то мне бывало совестно перед ней, перед этой девочкой. Потом, когда я подрос, то, глядя на нее, стал задавать себе следующие вопросы: «А что, Кид, – думал я про себя, – что если бы ты когда-нибудь встретил такое доброе существо, что бы она подумала о тебе? Могла бы она хоть капельку полюбить тебя? Есть за что или нет?» И тогда я хотел подняться, стать лучше, взять себя в руки, чтобы она или такие же, как она, не стыдились знакомства со мной.

Из-за этого я и выучился читать. Из-за этого я и бежал. Грамоте меня научил маленький грек, Ники Перрата. И только научившись читать, я узнал и понял, что ремесло пирата действительно скверное ремесло. Я попал на эту дорогу с тех пор, как помню себя; все люди, меня окружавшие, занимались этим. Но когда я понял, что это скверное дело, то сбегал от них и старался подыскать другую работу. Об этом и о том, что заставило меня вернуться к пиратам, я вам расскажу когда-нибудь после.

Конечно, она потому так живо представлялась в моем воображении, когда я был помоложе (да и теперь кое-когда), что я постоянно носился с мыслью о ней. Но вот теперь, во время нашего разговора, она предстала передо мной как бы в другом свете. Я понял, что она была для меня просто путеводной звездой, манившей к лучшей, более чистой жизни, – к той жизни, которая меня так привлекает. Если бы у меня сложилась такая жизнь, то я, наверно, узнал бы и таких девочек, и других людей, вроде вас. Теперь меня стала занимать мысль о вашей сестре и о вас, а почему – не знаю сам. А вы, наверно, немало знаете таких девочек, правда?

Джо кивнул головой.

– Так расскажите же мне о них что-нибудь, хоть пустяк какой-нибудь, все равно, – добавил он, заметив колебание во взгляде своего товарища.

– О, это будет не трудно, – храбро отвечал Джо. Он как будто понял, чего не хватало этому юноше, и думал, что ему удастся доступно рассказать все Киду.

– Начать с того, что они похожи – гм! Ну да, я хочу сказать, что они похожи на... на девочек... вот именно... как бы это сказать?... – Он запнулся и почувствовал, что ему не выпутаться.

Фриско-Кид выжидал терпеливо, как внимательный ученик.

Джо добросовестно напряг все свои умственные способности и мобилизовал весь запас своих сведений.

Перед ним промелькнул целый ряд девочек, с которыми он учился в школе, – сестер школьных товарищей и сестриных подруг, худеньких и пухленьких, высоких и низеньких, голубоглазых и черноглазых, брюнеток и блондинок, с завитушками и без завитушек, – словом, целая процессия девочек всевозможного вида. Но что о них можно сказать? Решительно ничего. Если бы еще он сам был девчонкой, а то ведь нет.

– Все девчонки одинаковы, – заключил он растерянно. – Они все на один манер и ничем не отличаются от тех, которых вы сами знаете.

– Но я не знаю ни одной.

Джо свистнул...

– И никогда не знали?

– Одну я знал – Карлотту Джиспарди. Но она не умела говорить по-английски, а я по-датски. И она умерла. Ну да ладно! Оставим об этом. Видно, вам не до них, и вы знаете о них, пожалуй, меньше, чем я.

– А я смыслю больше вашего в морских приключениях, – отпарировал Джо.

Оба мальчика весело расхохотались. Но разговор этот заставил Джо призадуматься. У него в голове шевельнулась мысль, что он неблагодарный, что он не ценил, как должно, тех благ, которые выпали на его долю. Хотя значение домашнего очага и родителей уже выросло с некоторых пор в его глазах, то теперь он спохватился еще и насчет сестры и друзей. Он не ценил их, как должно, но отныне... да, отныне будет иначе!

Тут раздался резкий голос Француза-Пита, и мальчики выбежали на палубу.

Глава XVII

Фриско-Кид рассказывает свою повесть

– Поднимайте парус, берите якорь! – крикнул Пит. – Идем за «Оленем» и без огней!

– Сюда! Отвязывай сезни – живо! – командовал Фриско-Кид. – Теперь навались на дирик-фал¹⁴, спусти с нагеля¹⁵ вон тот канат! Отойти в сторону, крепи вот там! Подтянем после. Беги назад и стань у паруса! Берись за румпель!

Под внезапным давлением надувшегося паруса «Ослепительный» дрогнул, закачался на якоре, как ретивый конь, и сорвался с места, как только якорные лапы отцепились от дна.

– Отпустите шкот! Сюда, ко мне! Помогите втащить цепь! Готовься поднять кливер! – Фриско-Кид преобразился: от мечтательного мальчика с драгоценной картинкой не осталось и следа – на палубе распорядился строгий и властный моряк. Он перебежал на корму и в тот момент, когда кливер, поднятый Джо, затрепался в воздухе, повернул на другой галс.

В эту минуту во мраке под ветром пронесся мимо них «Северный Олень», напоминавший собою огромную летучую мышь.

– Что за мямли эти мальчишки! Вы тут целую ночь собираетесь провозиться, я вижу, а? – ворчал Француз-Пит.

С борта «Северного Оленя» донесся грубый голос Красного Нельсона:

– Не мели вздора, французик, ведь Кида вышколил я! Этот малый не промах!

У «Северного Оленя» был более быстрый ход, чем у «Ослепительного», но он нарочно не ставил всех парусов, и мальчишки не теряли его из виду. Ветер дул с запада и постепенно усиливался. Звездное небо застилало быстро мчавшиеся густые облака, что указывало на быстрые воздушные течения в верхних слоях атмосферы. Фриско-Кид присматривался к небу.

– К утру здорово посвежеет, – заметил он. – Как я и предсказывал.

Прошло несколько часов. Подойдя к Сан-Матео, оба судна остановились и отдали якоря на расстоянии не более одного кабельтова от берега. В море вдавалась небольшая пристань. Неподалеку от набережной колыхалась маленькая яхта, стоявшая около буйка.

На судах согласно обычаю все было приготовлено к быстрому отплытию. В одну минуту по данному знаку можно было поднять якоря и поставить паруса. Оба ялика бесшумно отчалили от борта «Северного Оленя». Красный Нельсон уступил одного человека из своей команды Французу-Питу. На каждом ялике сидело по два человека.

Нельзя сказать, чтобы физиономии этих людей внушали доверие, – так по крайней мере сдавалось Джо, которого невольно пронизывала дрожь при виде этих свирепых, мрачно-суровых лиц. Капитан «Ослепительного» опоясался ремненным поясом о двух кобурах с револьверами и уложил в лодку ружье и крепкие тали с двойным блоком. Затем он поднес каждому соучастнику по стакану вина, и все они выпили в темной каюте за успех экспедиции. Красный Нельсон тоже был вооружен с ног до головы, а у его людей на бедрах висели матросские ножи. Они осторожно разместились в яликах, стараясь не производить ни малейшего шума. Француз-Пит уселся последним; он приказал мальчикам соблюдать полную тишину в его отсутствие и не затевать никаких фокусов.

– Вот был бы прекрасный случай для нас, Джо, если бы только они оставили нам ялик, – прошептал Фриско-Кид, когда лодки скрылись в тумане.

– А почему бы не на «Ослепительном»? – последовала неожиданная реплика. – Поднять парус – и след простыл, пока они там спохватятся!

¹⁴ Дирик-фал – снасть, которой поднимается гафель.

¹⁵ Нагель – деревянный крепительный болт.

Фриско-Кид колебался. Дух товарищества давал себя знать. Грешно подводить товарища в опасную минуту.

– Не совсем хорошо, мне кажется, устраивать им такую ловушку, – сказал он. – Разумеется, – поспешил он добавить, – я отлично понимаю, что они затеяли скверную штуку, но вспомните первую ночь, когда вы бежали по воде к ялику, а сзади пощелкивали? Мы вам не устроили ведь ловушки, не так ли?

Джо поневоле пришлось согласиться, но у него блеснула новая мысль.

– Ведь они пираты, и воры, и преступники. Они попирают законы, а мы с вами не хотим быть преступниками. Кроме того, ведь и ловушки, собственно, нет никакой. У них остается «Северный Олень», – кто им мешают удрать на нем, а в темноте они нас не разыщут.

– Идет! – Фриско-Кид согласился, но все-таки крайне неохотно, – как-никак, дело пахло предательством.

Они ползком пробрались на нос и начали поднимать парус. Ради экономии времени в крайнем случае можно было не вытаскивать якорь, а обрезать канат. Но чуть только скрипнули фалы на шкиве, как из окружающей темноты до них донеслось предостережение:

– Тсс! – а вслед за тем полусшепотом: – Перестать!

Присмотревшись в том направлении, откуда был голос, они различили бледное испуганное лицо, следившее за ними с борта соседнего шлюпа.

– Э! Да это юнга с «Оленя». Тащите дальше!

Но как только опять скрипнули блоки, раздалось второе предостережение, причем в новом тоне:

– Сказано: бросьте фалы, а то всыплю вам горячего!

Угроза эта сопровождалась щелканьем взводимого курка.

На этот раз Фриско-Кид не стал спорить и, ворча, удалился в кокпит.

– Не горюйте, еще не мало представится случаев, – шепнул он в утешение Джо. – А Француз-Пит хитер! Ведь он предвидел, разбойник, что вы захотите это сделать, и приставил нарочно сторожа.

С берега не доносилось ни звука. Неизвестно, что там проделывали пираты и как шли их дела. Ни одна собака не лаяла, нигде не виднелось ни одного огонька. Но воздух казался насыщенным тревогой, и ночная тишина точно таила в себе всевозможные ужасы. Нервы мальчиков были натянуты. Они сидели в каюте, тесно прижавшись друг к другу, и ждали.

– Вы хотели рассказать мне о вашем бегстве, – заговорил Джо, – и о причине его неудачи.

Фриско-Кид принялся потихоньку рассказывать, наклонившись к уху соседа.

– Видите ли, дело в том, что, когда я вздумал уйти, у меня не было никого, решительно никого, кто мог бы протянуть мне руку помощи. Я знал, что мне остается только одно: выбраться на берег и подыскать такую работу, которая дала бы мне возможность учиться. Я решил, что в деревне легче найти такую работу, чем в городе. Ну, я и удрал от Красного Нельсона. Я был тогда на «Северном Олене». Однажды ночью, когда мы стояли на Аламедских устричных отмелях, я выбрался на берег и дал стрекача. Нельсон не погнался за мной. Я бежал куда глаза глядят, только бы подальше от берега. Все местные жители были фермеры-португальцы. Никто из них не дал мне работы. Впрочем, и время года я выбрал совершенно не подходящее – зиму. Из этого вы можете судить, какое представление я имел о жизни на суше. С двумя или тремя долларами в кармане отправился я дальше в глубь страны, пробавляясь коркой хлеба да кусочком сыра. Работы нигде не мог найти. Ночевать приходилось на морозе, без одеяла, и я всегда радовался наступлению утра. Но больше всего меня угнетало враждебное отношение всех, кого я встречал. Фермеры смотрели на меня очень косо, не скрывая своего недоверия и недоброежелательства. Случалось, травили собаками. Казалось, для меня нет места на земле. Скоро деньги мои вышли все до копейки. Пришлось голодать. Но тут как раз меня арестовали.

– Арестовали? За что же?

– Да так себе, ни за что. За то, что живу. Как-то ночью я зарылся в стог сена, чтобы как-то уберечься от холода. Появился деревенский констебль и арестовал меня за бродяжничество. Сначала меня приняли за беглого арестанта и повсюду распространили мои приметы. Сколько я ни твердил им, что у меня нет никаких родственников, они мне долго не верили. А потом, когда прошло много времени и никто не предъявлял ко мне никаких обвинений, судья отправил меня в «убежище» для подростков в Сан-Франциско.

Фриско-Кид замолчал и некоторое время внимательно присматривался и прислушивался, нет ли какого-нибудь движения на берегу. Но там царили мрак и тишина, слышался только шум ветра.

– Я думал, что сдохну в этом «убежище». Оно ничем не отличалось от тюрьмы. Нас держали под замком, как арестантов. Это бы еще с полгоря, если бы я только мог сблизиться с ребятами. Но это были уличные мальчишки, испорченные, подлые, раболепные, лживые, лишенные всякого представления о порядочности. Мне там понравилось только одно – это книги. О, я читал запоем и прочел их целую кучу. Но это не искупало всего остального. Мне недоставало свободы, солнца, запаха соленой воды. И что я сделал? За что они меня посадили в тюрьму вместе с этим сбродом? Я стремился не к злу, а к добру, я хотел себя воспитать, стать лучше, сделаться человеком более достойным – и вот к чему все это привело. Понимаете ли, в ту пору я был еще слишком неопытен и слишком наивен!

Иногда мне мерещились сверкающие на солнце волны, белые паруса, «Северный Олень», рассекающий воду, – и меня охватывала такая тоска, что я не находил себе места и был сам не свой. А тут ребята приставали ко мне со всякими мерзостями, и, взбешенный, я задавал им иногда жестокую трепку. За это меня наказывали и сажали в карцер. Наконец я не выдержал и ухитрился оттуда сбежать. Не найдя себе места на суше, я поступил к Французу-Питу и вернулся к прежней жизни. Вот и вся недолга. Но я еще раз попробую, когда буду постарше и сумею найти для себя подходящее дело. Я это сделаю непременно.

– Вы уйдете со мной, – сказал Джо самым решительным тоном, не допускающим никаких возражений, кладя ему руку на плечо. – Вот что вы сделаете, друг мой! А насчет дальнейшего...

Бац! – грянул с берега выстрел. Бац! Бац! Оживленная перестрелка не умолкала. Послышался чей-то раздирающий вопль, кто-то стал звать на помощь. Оба мальчика моментально вскочили, подняли парус и приготовили все к немедленному отплытию. Юнга на «Северном Олене» сделал то же самое. Человек на яхте, разбуженный выстрелами, выставил было из люка испуганное лицо, но, увидев два незнакомых шлюпа, тотчас же скрылся. Напряженное ожидание кончилось, настало время действовать.

Глава XVIII

Джо принимает на себя новую ответственность

Якорную цепь укоротили до последней возможности: она висела отвесно. «Ослепительный» стоял в полной готовности. Оставалось поднять кливер и дать ход. Фриско-Кид и Джо внимательно смотрели на берег. Крики умолкли, но замелькали огни. До их ушей донесся с берега скрип блока и талей, и они услышали грубый голос Красного Нельсона, кричавшего во все горло: – Спускай!.. Бросай!.. Отчаливай!..

– Француз-Пит забыл смазать блок, – заметил Фриско-Кид.

– Чего они там копаются! – крикнул юнга, сидевший на крыше каюты «Северного Оленя», вытирая пот с лица, после того как ему одному пришлось поднимать большой парус.

– Они-то, как видно, готовы, – откликнулся Фриско-Кид. – А вы готовы?

– Да, все готово.

– Эй, вы! – крикнул человек на яхте, не высовывая, однако, на этот раз головы. – Лучше бы вам обратиться отсюда.

– А вам бы лучше помалкивать да смирененько посиживать у себя в конуре, – последовал ответ. – Мы сами сумеем позаботиться о себе, а вы заботьтесь о своей особе.

– Если бы я мог только выбраться отсюда, уж и показал бы я вам!

– А вы попробуйте, выберите! – отвечал ему юнга с «Оленя», и человек на яхте замолчал.

– А вот и они! – воскликнул вдруг Фриско-Кид.

Два ялика вынырнули из темноты и подошли к борту.

По голосу Француза-Пита легко было догадаться, что между пиратами происходят какие-то пререкания.

– Нет, нет! – кричал он. – Грузите на «Ослепительного». У «Северного Оленя» ход быстрее. – А! Он удерет из-под носа, и лови ветра в поле. Нечего там! Грузи на «Ослепительного»!

– Ну да ладно, пусть будет по-твоему. Рассчитаемся после. Поторапливайся! Живо наверх, молодцы! И тащите! У меня рука сломана.

Матросы Нельсона вскарабкались наверх, веревки были спущены в лодку, и все, кроме Джо, ухватились за них и стали тащить. Возня людей где-то у берега, всплески весел, скрип блоков, хлопанье парусов – все это, вместе взятое, красноречиво свидетельствовало о том, что на берегу спешно налаживают погоню.

– Ну, – командовал Красный Нельсон. – Разом! Смотри, осторожней! Не упускать, а то лодка не выдержит. Идет! Пошло! Еще раз! Стой! Закинь конец, отдохните!

Хотя втащили только до половины, все уже изнемогли от чрезмерного напряжения и обрадовались передышке. Джо взглянул через борт, желая узнать, что за тяжесть они поднимают, и различил неясные очертания небольшого несгораемого шкафа.

– За дело! Все вместе! – опять раздался голос Нельсона. – Одним махом, ребята! Хо-хо! Еще раз! Ну еще! Так! Готово!

Запыхавшись и еле переводя дух, они втащили шкаф на палубу, перекинули его через поручни и спустили в кокпит; сняв с петель дверцы каюты, проволокли его по полу и поставили рядом с ящиком подвижного киля. Красный Нельсон взобрался тоже за ними и распорядился установкой. Левая рука его беспомощно болталась, а с кончиков пальцев капала кровь. Но он, по-видимому, не обращал на это никакого внимания и, казалось, несколько не беспокоился о той буре, которую поднял на берегу и которая, судя по долетавшим звукам, угрожала разразиться над ними ежеминутно.

– Держите курс на Золотые Ворота, – сказал он Французу-Питу, собираясь уходить. – Я постараюсь держаться поблизости; но если я в темноте потеряю вас из виду, то встретимся утром за Фарралонами.

Он прыгнул в ялик вслед за своими матросами и весело крикнул, помахивая здоровой рукой:

– А потом в Мексику, ребята, в Мексику, на подножный корм!

Как только «Ослепительный» сорвался с якоря и, качнувшись, понесся вперед, за кормой тотчас же показался темный парус, почти уже наседавший на ялик, шедший у «Ослепительного» на буксире. Кокпит яхты незнакомца был переполнен людьми, разразившимися ругательствами при виде пиратов.

У Джо мелькнула мысль кинуться к носу и перерезать фалы, чтобы «Ослепительный» попал в плен. Ведь он, Джо, без вины виноват и нисколько не боится суда, как и докладывал об этом Питу. Однако мысль о Фриско-Киде остановила его. Джо хотел уйти от пиратов вместе с Кидом, но вовсе не с тем, чтобы запрятать его в тюрьму. Таким образом, опасность, грозившая Фриско-Киду, заставила Джо горячо пожелать, чтобы «Ослепительному» удалось убежать от погони.

Гнавшееся за ними судно, пытаясь обойти «Ослепительного», описало дугу и при этом наткнулось впотьмах на яхту, стоявшую на якоре у буйка. Человек, сидевший под люком, полагая, что очередь дошла до него, заорал благим матом, выскочил на палубу и бросился за борт. Суматоха, вызванная столкновением, и спасение утопавшего затормозили погоню. Тем временем Француз-Пит и мальчики успели скрыться в ночной темноте.

«Северный Олень» давно уже исчез из виду. «Ослепительный» вышел в открытое море и, накренившись под сильным ветром, мчался по легкой зыби. Не прошло и часа, как с правой стороны показались огни Хантерс-Пойнта. Фриско-Кид сошел вниз варить кофе, а Джо остался на палубе. Он смотрел на всплывавшее зарево огней Сан-Франциско и думал о том, куда они теперь направляются. Мексика! Как? Неужели они пустятся в океан на этой скорлупе! Быть не может! Представление о путешествии по океану у него связывалось лишь с парходами и кораблями. Он начинал сожалеть о том, что не перерезал фалов. Ему сильно хотелось задать несколько вопросов Питу, но этот почтенный муж не дал ему раскрыть рта и немедленно отослал его в каюту пить кофе и спать. Джо и Фриско-Кид улеглись, а Француз-Пит остался один наверху. Раза два капитану послышался подозрительный шум, а один раз он заметил с подветренной стороны судно, быстро переменившее галс при виде «Ослепительного». Но темнота благоприятствовала Французу, и подозрительный парус скоро исчез и не появлялся более.

Чуть только рассвело, капитан разбудил мальчиков, и они выползли на палубу с заспанными лицами. Утро выдалось холодное, серое, ветер предвещал близкую бурю.

Джо немало удивился, увидев перед собой белые палатки карантина на острове Энджель. Сан-Франциско выделялся туманным пятном на южном горизонте. Ночь медленно таяла. Француз-Пит держал курс на Рэкоп-Стрэт и внимательно всматривался в нырявшую на расстоянии полумили позади них шлюп-яхту.

– Думают поймать «Ослепительного», кажется, да? Ну, посмотрим!

Чтобы удостовериться в этом, он взял курс прямо на Золотые Ворота. Яхта двинулась следом. Джо стал наблюдать за ее движением. Она шла почти параллельным курсом и заметно нагоняла их.

– Но ведь так они нас живо догонят! – вскричал он.

Француз-Пит засмеялся.

– Как бы не так! Они отстают, мы уходим. Они удирают от ветра, а мы выходим на ветер. О! Погодите – увидите!

– Они идут быстрее нашего, – вставил Фриско-Кид. – Но они держат ближе к ветру. В конце концов мы их обгоним, даже если они осмелятся взять наперерез. Но я не думаю, чтобы они на это решились. Смотрите, смотрите!

Впереди виднелись огромные, грохочущие, пенистые валы океана. Среди бушующих волн входила в гавань то подкидываемая на гребень гороподобной волны, то низвергаемая в бездну, каботажная паровая шхуна, нагруженная лесом.

Захватывающее зрелище величавой борьбы человека со стихией пленило Джо. Забыв об опасности, он замер на месте; глаза его широко раскрылись, ноздри раздувались от восхищения. Француз-Пит облачился в непромокаемый плащ и клеенчатую фуражку. Джо тоже получил такой костюм. Потом они вместе с Кидом по приказанию капитана привинчивать к стене железными скобками несгораемый шкаф. Джо во время работы увидел на металлической доске название фирмы: «Бронсон и Тэт». Как?! Неужели этот шкаф принадлежит его отцу?! Неужели это собственность мистера Бронсона и его компаньона? Фриско-Кид, прикреплявший к полу последнюю скобку, оторвался от своего дела и взглянул на надпись.

– Вот так фунт! – протянул он шепотом. – Это фамилия вашего отца?

Джо молча кивнул в ответ. Теперь все было ясно как на ладони. Они напали на Сан-Андреас, где разрабатываются обширные каменоломни его отца. По всей вероятности, в шкафу лежат суммы, ассигнованные на выдачу жалованья тысяче рабочих и служащих.

– Молчите! – шепнул он. – Ни слова!

Фриско-Кид мотнул головой в знак согласия.

– Француз-Пит читать не умеет, а Красный Нельсон не знает вашей фамилии. Но беда в том, что ведь как бы то ни было, а сундук-то они взломают при первой возможности и деньги поделят между собой. Что вы тут можете сделать?

– Придет время – увидим!

Джо решил отстаивать собственность своего отца всеми силами. Она точно пропала бы, если бы его не было здесь. Но так как он здесь, то, значит, имеются некоторые шансы спасти ее. Пусть эти шансы сомнительны, но все же теперь они есть. Джо почувствовал на плечах своих бремя новой ответственности.

Несколько дней тому назад у него не было никаких других забот, кроме заботы о себе самом. Но затем, как ни странно, приняв близко к сердцу участь Фриско-Киды, он вынужден был взять на себя ответственность за его будущее; потом, что еще более удивительно, он сознал обязанности, налагаемые на него его положением: обязанности по отношению к сестре и друзьям. И наконец совершенно неожиданно так сложились обстоятельства, что ему необходимо теперь оказать услугу отцу. И он мужественно откликнулся всем сердцем на этот призыв. Что бы ни сулило будущее, в себе он уверен. И эта его уверенность, в силу каких-то таинственных законов, еще больше увеличивала его решимость. Он впервые смутно отдал себе отчет в той жизненной истине, что уверенность рождает уверенность, а сила – силу.

Глава XIX

Мальчики задумали бежать

– Теперь начинается! – закричал Француз-Пит.

Оба мальчика вбежали в кокпит. «Ослепительный» переступил порог океана. Перед ним вздымался огромный пенистый вал футов в сорок высотой, на мгновение закрывший от него ветер и грозивший расплющить утлое суденышко, как яичную скорлупу. У Джо захватило дух. Француз-Пит повернул к ветру и направил шлюп на эту волну. «Ослепительный» взлетел по уклону волны, повис на головокружительной высоте и низвергнулся в пучину. Он то скрывался в облаке пены, то выскакивал из него с легкостью поплавка.

Джо забыл и о себе, и обо всем на свете. А! Вот это жизнь! Вот это работа! Это не похоже на то дряблкое существование, которое он так долго влачил. Матросы встречного парохода, столпившиеся на мокрой палубе, заваленной лесом, приветственно махали клеенчатými картами, и даже капитан шхуны, стоявший на мостике, и тот восхищался дерзким суденышком.

– Посмотрите-ка, посмотрите! – Француз-Пит указал на корму.

Погоня, как видно, струсила. Шлюп-яхта заметалась из стороны в сторону, не решаясь переступить через грозный порог. «Ослепительный» вышел из пределов досягаемости.

Лоцманский бот промчался мимо него, как испуганная птица, спасаясь от надвигавшейся бури и так стремительно обгоняя шхуну, что казалось последняя стояла на месте.

Получасом позднее «Ослепительный» выбрался из буруна и плавно скользил по просторной тихоокеанской волне. Скорость ветра увеличилась, и пришлось взять рифы. Но потом они опять распустили парус всю и понеслись правым галсом на Фарралоны, до которых было миль около тридцати. После завтрака они увидели впереди большой парус «Северного Оленя»: он лежал в дрейфе, описывая дугу с юга на запад и обратно, не отходя в то же время от берега¹⁶. Руль был привязан неподвижно, и на палубе не видно было ни души.

Француз-Пит возмущался такой беспечностью.

– Черт его знает, что он делает, этот Красный Нельсон! Забубенная голова: ему все нипочем! Ничего не боится. Уж напорется он когда-нибудь!

Им пришлось три раза обойти «Северного Оленя» и кричать хором во все горло по ветру. Наконец на палубе появились люди. Вслед за тем паруса были выправлены, и обе скорлупки затерялись в безграничном просторе Тихого океана.

Фриско-Кид объяснил Джо, что необходимо уйти как можно дальше от берегов, пока еще на них не обрушился бешеный шторм. Иначе их отнесет к берегам Калифорнии. Когда пройдет буря и наступит затишье, можно будет запастись водой и провиантом. Хорошо, что он, Джо, не страдает морской болезнью. Последнее обстоятельство поднимало престиж юного строптивного моряка и в глазах капитана – Пит тоже похвалил его за это.

– Знаете что? – шепнул Фриско-Кид своему товарищу, когда они готовили обед. – Давайте-ка нынче ночью скрутим Пита?

– Как так?

– Ну да, скрутим – и только; а потом выставим сигнальные огни и направимся к берегу; зайдем в первый порт и избавимся от Красного Нельсона.

– Отличная штука, но только, если бы я мог это сделать один, – задумался Джо. – А с вашей помощью... Это была бы измена с вашей стороны Француз-Питу.

¹⁶ У судна в дрейфе паруса поставлены так, что оно описывает вперед и назад дуги, лишь очень незначительно отходя под ветер.

– Вот что мы сделаем: я берусь вам помочь, если вы примете на себя небольшое обязательство, – сказал Фриско-Кид. – Француз-Пит взял меня к себе, когда я бежал из приюта и умирал с голоду, не зная, куда деваться. Было бы гнусно с моей стороны, если бы я оплатил ему за это тюрьмой. Ваш отец не захотел бы, чтобы вы нарушили свое слово, не правда ли?

– Нет, разумеется, нет. – Джо отлично было известно, как свято соблюдал его отец данное слово.

– Так вы должны пообещать, и отец ваш должен постараться, чтобы Пит не попал в тюрьму.

– Прекрасно. Ну, а вы-то куда же? Неужели опять с ним на «Ослепительном»?

– О, обо мне беспокоиться нечего. Кому я нужен? Я уже не мальчик и в своем деле набил руку настолько, что могу поступить на службу матросом. Я заберусь куда-нибудь на край света и начну новую жизнь.

– В таком случае перестанем об этом говорить, вот и все.

– О чем – об этом?

– О вашем предложении насчет Пита и прочее.

– Нет, нет... Это решено и подписано.

– Слышите, что я вам говорю?.. Я ни в коем случае не пойду на это. Если вы со своей стороны не дадите мне слова, то я предпочту идти в Мексику.

– Какое слово?

– Вот какое: с той минуты, как мы ступим на землю, вы повинуетесь моему руководству. Ведь вы сами говорили мне, что не имеете надлежащего представления о жизни на суше. А уж я сговорюсь с отцом – я знаю, что он мне уступит, – и вы познакомитесь с образованными людьми, будете учиться, станете на ноги и изберете себе другую карьеру. Не лучше ли это будет для вас, чем оставаться пиратом или идти в матросы?

Хотя Фриско-Кид и отмалчивался, но выражение лица выдавало его отношение к этой заманчивой перспективе.

– И кроме того, не забывайте, что мы вам обязаны, – продолжал настаивать Джо. – Вы будете моим соучастником и тем самым поможете отцу вернуть деньги. Таким образом, он становится вашим должником.

– Но я не способен на такой расчет. Я презираю людей, которые помогают в беде, рассчитывая на вознаграждение.

– Замолчите, пожалуйста! Вы не знаете, во что обойдется моему отцу сыскной розыск! Ну, обещайте же, и кончено дело! А когда я все устрою и окажется, что это вам не по душе, то вы всегда можете уйти обратно в море. Вашу руку! Хорошо?

Они ударили по рукам и занялись обсуждением рискованного плана.

Но шторм, налетевший с северо-запада, разрушил все замыслы мальчиков и приготовил «Ослепительному» иную участь. После обеда пришлось взять вторые рифы, хотя буря далеко еще не разыгралась полностью. Океан бушевал; волны громоздились, как горы, казавшиеся непомерно огромными и страшными с крохотной палубы шлюпа.

Оба шлюпа могли видеть друг друга только в те минуты, когда им случалось одновременно очутиться на гребне волны. Порой волны врывались в кокпит и заливали каюту. Джо поручено было выкачивать воду насосом.

В четвертом часу Француз-Питу удалось подать знак «Северному Оленю», что «Ослепительный» ложится в дрейф и бросает водяной якорь. Последний представлял собой просторный брезентовый мешок, отверстие которого поддерживалось раскрытым посредством связанных в виде треугольника металлических прутьев. К ним были привязаны буксирные веревки. Таким образом, воде противопоставлялась наибольшая противодействующая поверхность, и благодаря этому шлюп держался все время носом против ветра и волны – самое безопасное

положение для судна во время шторма. Красный Нельсон взмахнул рукой, давая знать, что понял сигнал и согласен.

Пит взялся сам бросить якорь, приказав Фриско-Киду повернуть вовремя руль и поставить судно против ветра.

Капитан, пошатываясь на скользкой палубе, выжидал подходящего момента.

Но как раз в ту минуту, когда «Ослепительный» очутился на гребне громадной волны, на него налетел бешеный порыв ветра. Паруса рвануло. Раздался треск. Стальные фордуны лопнули. Талрепы, ванты, мачта, парус, блоки, водяной якорь и сам Пит – все это вместе грохнулось за борт. Каким-то чудом капитан уцелел. Он успел ухватиться за ватер-штаг и дотянулся до бушприта. Мальчики подбежали и втащили его на палубу. Красный Нельсон, заметив крушение, переставил руль и бросился к ним на выручку.

Глава XX

Критические минуты

Француз-Пит остался цел и невредим. Но мешок водяного якоря пострадал при падении. Его проткнуло насквозь гафелем обрушившейся мачты, и он отказывался служить. Обломки снастей, бившиеся о борт судна, отклоняли шлюп от прямого направления навстречу волнам, и положение становилось опасным.

– Прощай, старина, друг мой «Ослепительный»! Теперь уж мы больше не будем протирать с тобой ветру глаза. Не будем обгонять щегольские господские яхты и сбивать с джентльменов спесь.

Так причитал капитан слезным голосом, стоя в кокпите и окидывая печальное зрелище помутившимся взором. Даже Джо, который сильно его недолюбливал, почувствовал к нему жалость в эту минуту. Жестокий порыв ветра сорвал гребень волны и обрушил его на беспомощное судно-калеку.

– Неужели нельзя спасти его? – пробормотал Джо.

Фриско-Кид отрицательно покачал головой.

– А несгораемый шкаф?

– И думать нечего! Никакое судно не отважится подойти близко к нашему борту за все золото Соединенных Штатов. Придется еще поломать голову над тем, как бы нам уцелеть и выбраться из беды.

Набежала другая волна и разбила вдребезги о корму уже давно перед тем захлебнувшийся ялик. Вдруг над ними из вершины водяного холма вырос парус «Северного Оленя».

Джо отшатнулся в ужасе и чуть не упал. Казалось, судно рухнет им на голову. Но в следующее мгновение оно провалилось в бездну, и они увидели его далеко внизу под собой. Подобные минуты не забываются. Картина была поразительная. «Олень» трепетал, весь окутанный белоснежной пеной, зарываясь в воду по самые поручни. Брызги стояли облаком в воздухе и придавали картине фантастический вид. Один из матросов старался отвязать ялик. Юнга, перекинувшись за поручень кокпита, протягивал ему руку. Третий матрос стоял у руля и быстро перебирал спицы, заставляя судно уклоняться под ветер. Рядом с ним стоял Красный Нельсон с рукой на перевязи; у него сорвало шапку с головы, и рыжие кудри мокрыми прядями разметались по лицу. Вся его осанка дышала неукротимой отвагой и силой. Глаза сияли восторженным блеском. Джо внезапно проникся благоговейным уважением к этому человеку и оценил огромные дары, которыми он наделен от природы. Как жаль, что они расточаются им на ветер. Пират и разбойник! В это мгновение новый проблеск озарил сознание Джо: он постиг тайну успеха и причину неудач. Жизнь вдруг распахнула перед ним свою заветную книгу, и он мог читать ее страницы. Из таких характеров, как у Красного Нельсона, создаются герои; такие люди обладают тем, чего недостает ему, – умением выбирать, расчетливостью, трезвым самообладанием, словом, всеми теми качествами, о которых ему отец столько раз «читал проповеди».

Все эти мысли молнией промелькнули у него в голове. Между тем «Северный Олень», подброшенный кверху огромным валом, прошмыгнул у них мимо самого носа с подветренной стороны.

– О, отчаянная голова! – восклицал восхищенный и тронутый Пит. – Он норовит перекинуть парус на другой галс. Он свихнется и нас всех потопит. Вот, вот – заворачивает! О, сумасбродный безумец!

Но время не терпит, и Красный Нельсон решился рискнуть. Улучив минуту, он перекинул парус и пошел с попутным ветром к «Ослепительному».

– Вот он, близко! Готовься, прыгай! – крикнул товарищу Фриско-Кид.

«Северный Олень» пронесся мимо кормы, накреньясь так низко, что окна его каюты зарылись в воду. Казалось, столкновение неминуемо. Но капризом волны его откинуло в сторону. Видя, что маневр не удастся, Красный Нельсон моментально придумал другой.

Крутой поворот руля мигом повернул налетавшего «Оленя» и подставил нависший его грота-гик к самому борту «Ослепительного». Ближе всех очутился Француз-Пит. Надо было ловить момент, Француз прыгнул, как кошка, и уцепился за канат обеими руками. «Северный Олень» подхватил его и понесся вперед, окуная добычу в каждую волну, но Пит крепко держался за канат и подбирался к борту все ближе и ближе, пока наконец не очутился в кокпите. Красный Нельсон в эту минуту уже заворачивал, собираясь повторить тот же самый маневр.

– Ваша очередь, – закричал Фриско-Кид, обращаясь к Джо.

– Нет, прыгайте вы, – отнекивался Джо.

– Но я много опытнее и лучше справлюсь, чем вы, – настаивал Кид.

– Плавать я тоже мастер, – возражал ему Джо.

Чем бы кончился спор – неизвестно, но быстрая смена событий сделала всякое соглашение излишним. «Северный Олень» уже несся назад, накренившись под таким углом, что казалось вот-вот опрокинется. Картина была бесподобная. В ту же минуту шторм разразился с неистовой силой. Ветер взревел и пригладил косматые гребни. Океан закипел. «Северный Олень» пропал из виду. Его заслонила чудовищная волна. Волна прокатилась, но шлюп не показывался – его уже не было.

Испуганным взорам опешивших мальчиков предстала пустыня бушующих волн. Они озирались, не веря глазам. Но «Северного Оленя» нигде не было видно. Они остались одни, покинутые на произвол разъяренной стихии.

– Упокой, Господи, их грешные души! – торжественно произнес Фриско-Кид.

Джо был так потрясен катастрофой, что не мог издать ни единого звука.

– Судно опрокинулось и ключом пошло прямо ко дну: на нем было очень много балласта, – пробормотал Фриско-Кид. Затем, возвращаясь к собственному несчастному положению, он добавил: – А теперь давайте подумаем о себе. Этот взрыв был последней вспышкой шторма. Но когда буря начинает стихать, волны становятся еще выше. Давайте руку, а другой цепляйтесь покрепче. Нам необходимо пробраться вперед.

Вооружившись ножами и держась друг за друга, они осторожно подвигались к тому месту, где перепутанные обломки и обрывки снастей отчаянно колотились о борт. Фриско-Кид руководил опасной работой. Джо исполнял его приказания как набивший себе руку помощник. Ежеминутно обоих мальчиков захлестывало водой и перекидывало из стороны в сторону. Они постарались привязать главную массу снесенных частей к переднему битенгу, а затем, барахтаясь и захлебываясь в воде, принялись резать направо и налево шкоты, фалы, штаги и тали. Кокпит быстро наполнялся водой. Приходилось торопиться, чтобы идти откачивать воду. Наконец им удалось очистить все; оставалось только справиться с такелажом подветренной стороны. Фриско-Кид отсек фалы. Остальное доделала буря. «Ослепительный» сразу переменял положение. Обломки рангоута и обрывки снастей, прикрепленные к носовому битенгу, вытянулись и поставили корпус судна прямо носом к ветру и волнам.

Немного передохнув, обрадованные первой удачей, мальчики перебрались в кокпит, где воды уже было по колено и подстилка, покрывавшая пол каюты, всплыла. Достав ведра из запасного ящика, они стали усердно выкачивать воду, а затем наладили насос. Работа была страшно неблагодарная, вода снова и снова заливала шлюп, и не видно было конца этому утомительному занятию. Но они продолжали упорно трудиться, и когда наступила ночь, «Ослепительный» уже спокойно покачивался на импровизированном своем водяном якоре и мог похвалиться тем, что и помпы его еще действовали. Как верно предсказал Фриско-Кид, буря начала выдыхаться, хотя ветер, переменяв направление, все еще оставался довольно сильным.

– Если он только не сдастся, – сказал Фриско-Кид, говоря про западный ветер, – то назавтра нас прибудет к берегам Калифорнии. Остается сидеть сложа руки и ждать.

Разговор не клеился. Они чувствовали себя подавленными гибелью товарищей и страшно изнуренными; сидели молча, прижавшись друг к другу, содрогаясь от холода и чувства заброшенности. Промокшие до костей, они оставались в чем были, так как не было сухого белья и платья. Все решительно – пища, одеяла, белье – было насквозь пропитано соленой водой. Ночь тянулась бесконечно долго. Порой они забывались в дремоте, но, засыпая, поминутно вздрагивали и будили друг друга.

Наконец рассвело; они огляделись. Ветер и волны утомнились, и «Ослепительный» несомненно вышел из борьбы победителем. Берег оказался ближе, нежели можно было предполагать, и сквозь дымку серого утра виднелись смутные очертания прибрежных скал. С восходом солнца они разглядели желтую песчаную отмель, окаймленную белой пеной, а позади нее – трудно было поверить этому счастью – обозначались громоздившиеся дома и дымившие трубы какого-то города.

– Санта-Крус! – закричал Фриско-Кид. – Мы избежем буруна.

– Значит, наш сейф спасен? – спросил Джо Бронсон.

– Разумеется! Правда, для больших судов этот рейд неудобен, но мы с помощью этого ветерка попадем прямо в устье реки Сан-Лоренцо. Там нечто вроде маленького озера и есть пристань. Вода, как зеркало, и мелко, в рост человека. Однажды мне здесь пришлось побывать с Красным Нельсоном. За дело! К завтраку будем там.

Вытащив из ящика запасной канат, он связал его мертвым узлом со свободным концом каната импровизированного водяного якоря и занес на корму, где и прикрепил его к кормовому битенгу. После этого он отвязал канат от переднего битенга и переместил таким образом привязь якоря. Вследствие этого шлюп повернулся сначала боком, а потом кормой к волнам и стал носом к берегу.

Из двух запасных весел и двух мокрых одеял мальчики соорудили себе новую мачту и парус. Установив все как следует, Джо отвязал тянувшиеся на буксире остатки рангоута, и Фриско-Кид взялся за руль.

Глава XXI

Джо и его отец

– Ну что, капитан? – спросил Фриско-Кид, управившись со швартовыми и закрепив шлюп на маленькой пристани. – Что вы теперь прикажете делать?

Джо посмотрел на него вытаращенными глазами:

– Как это... Я?.. В чем дело?

– Вы же теперь капитан! Разве мы не добрались до суши? Отныне я подчиняюсь вашей команде. Что прикажете делать?

Джо понял наконец и скомандовал:

– Свистите всех наверх к завтраку!.. Впрочем, нет, подождите немного.

Сойдя вниз, он отыскал узелок, в котором находились деньги, захваченные им с собой на шлюп. Потом запер на ключ дверь каюты и отправился с приятелем в город искать ресторан. За завтраком Джо набросал в уме предстоящий план действий и сообщил его Фриско-Киду.

Справившись в кассе о том, когда отходит в Сан-Франциско утренний поезд, он взглянул на часы.

– Как раз время, – сказал он Фриско-Киду. – Держите дверь каюты на замке и не пускайте никого на борт. Вот вам деньги. Обедайте в ресторане. Высушите одеяло и ночуйте в кокпите. Я приеду завтра. Пожалуйста, не пускайте никого в каюту. До свидания!

Пожав наскоро руку приятеля, он поспешил на вокзал. Контролер, проверявший билеты, посмотрел на него с удивлением. Да и понятно: ему редко приходилось видеть таких пассажиров в морских сапогах и клеенчатых фуражках. Но Джо не смутился. Он ничего не заметил и углубился в чтение газеты. Глаза его сразу упали на интересный заголовок:

Следы потеряны

Буксирный пароход «Морская Царевна», зафрахтованный Бронсоном и Тэтом, вернулся после бесплодных поисков у побережья Хедса. Он не напал на след дерзких пиратов, похитивших во вторник ночью несгораемый шкаф, принадлежащий указанной фирме, и не получил никаких сколько-нибудь ценных указаний. Смотритель Фарралонского маяка заявил, что в среду утром заметил два шлюпа, вышедших в открытое море во время начинавшейся бури. Моряки полагают, что пираты погибли вместе со своей преступной добычей. Носятся слухи, что в ящике, кроме десяти тысяч долларов золотом, находились также весьма важные документы.

Пробежав эту заметку, Джо вздохнул с облегчением. Ясно, что в ту страшную ночь никакого убийства не произошло, иначе репортер непременно упомянул бы об этом факте. Точно так же очевидно, что никому еще не известно о его собственном местопребывании, иначе сенсационная новость облетела бы все газеты.

На городском вокзале в Сан-Франциско публика озиралась на мальчика в странном костюме, нанимавшего кеб. Но Джо не стеснялся нисколько, он очень спешил: надо было застать отца в конторе, пока тот еще не отправился домой завтракать.

Курьер нахмурился, когда Джо влетел в прихожую, стукнул дверью и потребовал, чтобы о нем доложили мистеру Бронсону. Вызванный им старший клерк тоже не сразу узнал его.

– Неужели вы меня не узнаете, мистер Виллис?

Мистер Виллис вторично оглядел бесцеремонного незнакомца.

– Как? Это вы, Джо Бронсон?! Ради всего на свете, откуда это вас принесло? Войдите, ваш отец у себя в кабинете.

Мистер Бронсон перестал диктовать стенографу и оглянулся.

– Алло! Где же это ты пропадал? – обратился он к сыну.

– Я был в плавании, – отвечал застенчиво Джо, не зная в сущности, чего ему ожидать, и нервно теребя свою матросскую фуражку.

– Небольшая прогулка? Да? Хорошо ли провел время?

– Да так себе. – Джо подметил веселые искорки в глазах отца и понял, что ему трусить нечего. – Недурно... говоря относительно.

– Относительно?

– Ну да, я выражаюсь не точно. Вернее сказать: могло бы кончиться плохо, а между тем вышло как нельзя лучше.

– Интересно. Присядь-ка! – Мистер Бронсон обратился к стенографу: – Можете идти, мистер Браун, и... сегодня вы мне больше не понадобятся.

Джо был тронут простотой и непринужденностью оказанного ему приема и чуть не заплакал. Отец держал себя так, как будто ничего не случилось. Можно было подумать, что Джо вернулся в город после деревенских каникул или после деловой поездки.

– Ну, теперь продолжай, Джо, рассказывай! Ты начал так загадочно, что заинтриговал меня в высшей степени.

Джо уселся и рассказал все, что было, – все решительно, начиная с вечера понедельника и до последнего часа сегодняшнего утра. Он передал все подробности, даже все свои разговоры с Фриско-Кидом, и сообщил те планы, которые строил на его счет. Лицо у Джо разгорелось, он рассказывал с жаром, и мистер Бронсон увлекся и задавал сыну новые вопросы, когда тот замолкал.

– Таким образом, – сказал Джо в заключение, – вы теперь видите, что все вышло очень хорошо.

– Все это так, – задумчиво произнес мистер Бронсон. – Может быть – да, а может быть – и нет.

– Почему?

Джо испытывал острое разочарование. Сомнительное одобрение отца задело его за живое. Ему казалось, что спасение несгораемого шкафа заслуживало более уверенной оценки с его стороны.

Ясно было, что мистер Бронсон отлично понимал настроение сына, так как он добавил следующее:

– Что касается сейфа, – поздравляю тебя, мой друг! Честь и слава! Мистер Тэт и твой покорнейший слуга истратили уже пятьсот долларов на его розыски. Мы настолько были заинтересованы, что назначили пять тысяч долларов вознаграждения тому, кто найдет его, и не далее как нынче утром обсуждали вопрос об увеличении этой суммы. Однако... – Мистер Бронсон поднялся с места и ласково потрепал мальчика по плечу, – ...на свете есть вещи дороже и поважнее золота и всех бумажек, его заменяющих. Что ты скажешь относительно *тебя самого*, вот в чем вопрос. Уступил бы ты будущие возможности твоей жизни за миллион долларов?

Джо покачал головой.

– Вот в том-то и дело! Ни за какие деньги в мире нельзя купить жизни человеческой; и никакими деньгами нельзя искупить дурно прожитой жизни: деньги не способны украсить, наполнить и выпрямить жизнь того, кто себя искалечил, кто испортил свою жизнь. Что ты скажешь относительно себя самого? Как отразятся эти забавные приключения на твоей собственной жизни, Джо? Пойдешь ли ты снова пробовать свои силы завтра или послезавтра? Понимаешь ты или нет? Неужели, Джо, ты можешь допустить хотя бы на минуту, что я могу поставить

на эту доску жизнь сына и какой-нибудь жалкий сейф? И могу ли я сказать, пока не покажет время, что эта прогулка привела к самым лучшим результатам и послужила тебе на пользу? Подобный эксперимент может одинаково привести и к худу и к добру. Один доллар вполне заменит другой – они похожи как две капли воды, и их много на свете, но другого Джо нет, и никто не мог бы заменить мне вот этого! Ты не согласен, Джо? Ты все еще не понимаешь меня?

Голос мистера Бронсона чуть дрогнул, а Джо зарыдал так, как будто его сердце разрывалось на части. Он до сих пор не понимал своего отца и не понимал той боли, которую он ему причинил, не говоря уже о матери и сестре. Но за последние четверо суток в нем произошел перелом. Он яснее взглянул на жизнь и на человеческие отношения. Он стал говорить отцу о тех наглядных уроках, которые получил за это время. Он рассказал ему о своих выводах из бесед с Фриско-Кидом, из столкновения с Французом-Питом; о том неизгладимом впечатлении, какое произвела на него картина гибели «Северного Оленя» и Красного Нельсона, проглоченных океаном.

И мистер Бронсон внимательно выслушал и кое-что понял в свою очередь.

– Но как же насчет Фриско-Киды, отец? – спросил Джо, закончив свое повествование.

– Гм, судя по твоим словам, он мальчик весьма одаренный. – Мистер Бронсон прищурился, утаивая блеснувшую в глазах его искру. – Я полагаю, что он сам сумеет стать на ноги и устроиться.

– Сэр?!

Джо не верил своим ушам.

– Дело вот в чем. В настоящее время он должен получить от нас половину обещанной суммы, другая половина принадлежит тебе. Вы ведь оба позаботились о том, чтобы сейф не очутился на дне Тихого океана, и если бы вы подождали немного, то мы с мистером Тэтом повысили бы сумму вознаграждения.

– О! – Джо теперь понял. – Насчет меня не может быть сложностей. Я просто отказываюсь от своей доли, и только. Но что до другого... это не совсем то, чего бы хотел Фриско-Кид. Ему нужны друзья... и... и... хоть вы этого и не сказали, но друзья дороже денег, и их не купишь за деньги. Ему нужны друзья и образование, а не две с половиной тысячи долларов.

– Не лучше ли будет предоставить выбор ему самому?

– О нет! Об этом мы уже договорились с ним.

– Договорились?

– Да, договорились. Он был моим капитаном на море, а я буду его капитаном на суше. Теперь он у меня под командой.

– Итак, ты выступаешь в качестве его поверенного при настоящих переговорах? Хорошо. Я вношу предложение. Две с половиной тысячи долларов остаются у меня на хранении и будут выданы по первому требованию. О твоей доле мы потолкуем после. Затем он пройдет некоторую стажировку, как испытательный срок, скажем – годовую, поступив на службу в нашу контору. Ты можешь взять на себя руководство его учебными занятиями, ибо я уверен, что теперь ты будешь учиться прилежнее. Или же он будет посещать вечернюю школу. Затем, если после стажировки он покажет себя с лучшей стороны, я возьму на себя заботу о его образовании, так же как о твоём. Все это зависит от него самого. А теперь, господин поверенный, что вы скажете относительно моих предложений, касающихся интересов вашего клиента?

– Я скажу, что охотно принимаю их.

Отец и сын обменялись крепким рукопожатием.

– А что ты намерен теперь делать, Джо?

– Прежде всего пошлю телеграмму Фриско-Киду, а потом побегу домой.

– В таком случае подожди немного: я позвоню в Сан-Андреас и сообщу мистеру Тэту приятную новость, а потом отправимся домой вместе.

– Мистер Виллис! – сказал мистер Бронсон, уходя из конторы. – Андреасовский сейф отыскался, и мы отпразднуем сегодня находку. Будьте любезны сообщить нашим клеркам, что занятий сегодня больше не будет. Ах, да, – обернулся он, входя в лифт, – не забудьте, пожалуйста, отпустить и конторского мальчика.